

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ДИВИЗИЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Фарход Хабибов

Пограничники бывшими не бывают!

Фарход Абдурасулович Хабибов
Дивизия особого
назначения. Пограничники
бывшими не бывают!

Серия «Военно-
историческая фантастика»

Серия «Дивизия особого
назначения», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21161848
Дивизия особого назначения. Пограничники бывшими не
бывают! / Фарход Хабибов: Эксмо : Якуз; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-90129-6

Аннотация

Правду говорят: пограничники бывшими не бывают.

Если в наше время ты служил срочную на таджикско-афганской границе, то и провалившись в 1941 год, быть тебе лейтенантом Погранвойск НКВД и носить зеленую фуражку.

Вот только не рассчитывай на обычные в романах про «попаданцев» легкие и скорые победы.

Пограничнику из будущего предстоит пройти через множество мучительных смертей – от штыка в грудь, от очереди в живот, под гусеницами немецкого танка, – каждый раз «перезагружаясь» в том же теле, накапливая бесценный боевой опыт, преображаясь в матерого фронтовика и грамотного командира «Дивизии особого назначения», которая способна изменить ход войны, деблокировав защитников Брестской крепости!

Содержание

Пролог	6
Глава I	13
Глава II	37
Глава III	47
Глава IV	125
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Фарход Хабибов
Дивизия особого
назначения. Пограничники
бывшими не бывают!

© Хабибов Ф.А., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пролог

2014 год. г. Верхняя Пышма. Андрей Нечипоренко

Народу у дома генерала Нечипоренко собралось много, даже во дворе все не вместились, многие стояли на улице. А машины почти всю улицу заняли. Дед у Андрея уважаемый человек... То есть был... Андрей никак не может привыкнуть к тому, что его деда уже нет. Генерал-майор танковых войск в отставке Александр Никитич Нечипоренко умер, и сегодня его провожают в последний путь. Все, как положено: почетный карул, военный оркестр, награды на подушечках... Только Александру Никитичу уже все равно. А Андрею?.. Этого даже сам Андрей не знает. Умом он, конечно, понимает, что его дед все эти последние почести заслужил, а вот душой... Только душу лишний раз рвут всеми этими церемониалами. Еще и родители Андрея не приехали, ведь они сами болеют. Отец, конечно, рвался, и Андрей его еле отговорил. Куда ему! Чтоб потом вторые похороны устраивать! Нет, пусть дома сидят, в своем Подмоскovie, и сыну спокойнее. Ведь не мальчик он давно, сам со всем справится. Хоть и немного растерялся поначалу. Так уж вышло, что Андрей самостоятельно еще никого в этой жизни не хоронил. Ну ничего, справился. Да и военкомат, командование округа, даже из музея Боевой славы Урала помогли, ему почти ничего делать и не оставалось... Правда, они хотели хоронить генера-

ла на мемориальном кладбище. Да внук не дал. Решил, что деду лучше будет лежать рядом с бабушкой. Есть ли там что, после смерти, нет ли, а все равно дед бы согласился. Он и при жизни не особо все эти церемонии любил. У него соседи-то не знали, что рядом отставной генерал живет.

Когда уже могилу зарывать начали, Андрея как заело. Стоял, слушая, как комья земли по крышке гроба стучают, а в голове у него ворочалась одна мысль всего, но дурацкая-предурацкая. Не о деде думал Андрей и не о том, что его не стало, а: «Получается, что 9 Мая мне теперь поздравлять уже некого!» И стыдно было Андрею, но и мысль эту навязчивую он отогнать никак не мог...

На третий день решил Андрей вместе с сыном Артемкой разобрать дедовы вещи. Ну, какие там вещи! В основном книги, документы старые. Книжными стеллажами почти вся гостиная уставлена была, свободное место только для дивана со столом оставлено было. А в спальне у генерала письменный стол стоял, рядом – этажерка, которая, наверное, еще дедовых родителей помнила. Вот на верхней полочке этой этажерки Андрей и обнаружил альбом со старыми фотографиями. Огромный такой, в переплете из натуральной кожи с тиснением, странички калькой проложены, а на каждой странице фигурные прорези, чтоб в них уголки фотографий заправлять. Еще в детстве Андрей у деда с бабушкой не раз гостил, и фотографии, конечно, ему показывали много раз. Видел он, конечно, разные фотографии семейства всех вре-

мен. Но этот альбом ни разу на глаза Андрею не попадался. Ведь те свои фотоснимки, которые дед показывал ему, тогда еще мелкому (да и потом), были или еще довоенными, или уже примерно с 1943 года, где дед уже был с погонями.

А этот альбом был заполнен снимками, сделанными, судя по всему, в начальный период войны. Вот генерал (тогда еще лейтенант) на фоне сгоревшего немецкого танка с куцым стволом – дед в форме РККА тех времен, без погон, с какими-то геометрическими знаками различия на петлицах, что там у него конкретно – не разобрать. А вот дед в немецкой форме, а вокруг улыбающиеся лица его сослуживцев, причем часть из них в немецкой форме, часть – в советской, некоторые и вовсе в гражданской одежде. Но все с оружием, видимо, партизаны.

Почему Андрей никогда не видел этого альбома? Не знает никто... Ведь он в детстве каждое лето проводил в этом доме, да и потом старался почаще заезжать, особенно после того, как бабушка умерла. И Андрей наизусть знает здесь вроде бы каждую мелочь, каждую безделушку! Но этот альбом не приметил ни разу.

Присел Андрей с альбомом на краешек дедовой кровати. Сидел, медленно перелистывал, рядом Артемка сидел, сопел и внимательно рассматривал фотографии. Из начала в конец, из конца – опять в начало. Всматриваются внук и правнук генерала в лица, разглядывают детали... Отец с сыном, наверное, так часа два просидели, не меньше. И вот в какой

уже раз перевернул Андрей последнюю страницу и заметил, что из-за фотографии, изображающей деда у немецкого танка со звездой на башне, торчит уголок бумажки. Причем если фотографии старые, давно пожелтевшие, с трещинками, то бумажка свежая и беленькая. Андрей вытаскивает бумажку, Артем нетерпеливо берет бумагу из рук отца и читает:

«Алексей, если ты читаешь эту записку и смотришь эти фотокарточки, значит, меня уже нет в живых. Я никогда не рассказывал тебе про начало Великой войны и хочу, чтобы ты, открыв сундук, что стоит в подполе избы, ознакомился с содержимым. А дальше решай сам, что с содержимым делать. А обо мне скорбеть не надо, я прожил долгую и насыщенную событиями и встречами жизнь. Дай бог каждому прожить столько.

Твой дед, советский танкист Александр Нечипоренко».

Артем с Андреем наперегонки спустились в подпол. Это даже не подпол, а целый подвальный этаж с окошечками под потолком! Там, кроме солений-варений бабушкиных, у деда еще и целая мастерская была оборудована. Старый сундук Андрей помнил хорошо, он там, рядом с верстаком, стоял всегда, но был постоянно заперт. Когда-то он спрашивал бабушку, что же в нем хранится, и она тогда ответила: «Да ничего, просто выбрасывать жалко, вот и убрали, чтоб не мешался». Сундук обнаружился там, где всегда и стоял. Но в замке торчал ключ. Артем быстро повернул его, затем не без

труда откинул довольно-таки тяжелую крышку...

Поверх всего лежала аккуратно сложенная форма командира Красной Армии – тех самых времен, когда в РККА еще не было погон, под ней обнаружился комбез танкиста, хорошо знакомый и внуку и правнуку по фильмам о войне. А ниже вдруг оказался немецкий мундир – с дырочкой над левым карманом кителя. «С убитого немца, что ли, сняли?» Под фрицевским мундиром они обнаружили завернутый в тряпицу немецкий пистолет, весь в затвердевшей, густой смазке, жестяную коробочку с немецкими же наградами, танковый кожаный шлемофон. Такие делали только до войны, потом перешли на тканевые. На самом дне, завернутая в клеенку, лежала стопка тетрадей, судя по обложке, выпущенных еще в Германии времен гнуснопрославленного III рейха.

Андрей попросил Артема запереть сундук, а тетрадки взяли с собой. Артем по просьбе отца поставил чайник, затем оба устроились на кухне в дедово любимое кресло и начали читать, осторожно перелистывая пожелтевшие хрупкие странички, порой с трудом разбирая побледневший текст, написанный то чернилами, то карандашом. Пусть в кресле было неудобно сидеть вдвоем, но скоро неудобство было забыто, не до него было.

Самым большим шоком было то, что язык автора тетрадей оказался... ну уж очень специфичным. Со страниц тетрадок (особенно первой) на Артема и Андрея неожиданно полился обильно сдобренный «падонкаффским езыгом» лек-

сикон-жаргон НТВ, вперемешку с ТНТ, да дешевых боевиков, выскочивших из-под пера «колычевых» или прочих, подобных им, борзописцев. Да не выражались так в середине двадцатого века! И ни отец, ни сын долго не могли понять, что это: чей-то розыгрыш, какая-то мистификация или... Но чем дальше они читали, тем язык становился культурней и приличней, да и текст перестал коробить Андрея, а Артемка сразу привык.

Спустя несколько недель после того, как я попал сюда, я решил записывать все, что со мной произошло. На эту мысль меня натолкнула чистая общая тетрадь, обнаруженная в ранце убитого немецкого солдата. Все свои мысли, эмоции постараюсь передать максимально подробно, даже дословно, как бы нелепо ни звучала фраза о «дословности передачи мыслей». За некоторые моменты мне стыдно, но писать буду только так, как было на самом деле. Вдруг это когда-нибудь кому-нибудь пригодится. И благодаря моим запискам кто-то сможет разгадать таинственный механизм, закинувший меня в это время. Да и мне самому эти записи крайне необходимы, потому что я уже порой сам не знаю, было ли со мной когда-либо хоть что-то «до того», была ли у меня в реальности жизнь в другом времени и с другой географией? Или же все эти воспоминания из двадцать первого века, который еще не скоро наступит и до которого я не доживу – всего лишь память о приснившемся странном, нелепом сне.

Виталий Любимов

Глава I

«Как кур в ощи»

24 июня 1941 года, где-то в Белоруссии, в полусотне километрах от границы с Польшей

Открываю глаза, думаю: «Покемарил чуток, и баста, скоро Машундра должна подтянуться...» А вокруг какая-то хрень происходит, и не просто хрень, а гигагигатеракилохрень. Лежу я с какого-то перепугу в окопе (или то – ячейка, ну, не спец я). Короче: в земле – яма, в яме – я! Однозначно припорошен землицей... Странно, а почему не песком, я ж на пляже? Оглядываюсь тихонечко, себя осматриваю: ба! – на мне форма военная! Только вот такого фасона я точно никогда не носил... Хотя знакомая форма – по фильмам да по картинкам. Не сказать, что я к форме совсем непривычен. Когда служил на границе, у меня сперва советское х/б¹ было (причем, по-моему, рабочее, стройбатовского образца), после окончания учебки выдали «трехцветку» (так у нас камуфляж обзывали). А эта одежда, хоть и явно военная, но уж слишком непривычная, не ходил я в такой даже на маскарадах. Да и не видел вживую людей в такой... ну разве что – в кино. Плюс к тому – без погон! Я-то когда-то привык, что на мне погоны зеленые, еще и с буквами «ПВ», вдобавок – шев-

¹ Хлопчатобумажная униформа.

рон на плече «ПВ РОССИИ» с триколором. Правда, с тех пор прошло много лет. Ну, как я погранцом-то на таджикско-афганской границе был. К тому же на петлицах вместо нормальных эмблем обнаружилась какая-то фигня из скрещенных на фоне кружка мишени винтовок (Блин! – ВОХРа, что ли? Видел в детстве что-то похожее на петлицах охраны заводской проходной, когда нас на экскурсию водили), плюс какие-то три параллелепипеда или как их там – параллелограмма, что ли. Да и красный цвет петлиц до этого ко мне никакого отношения не имел... То ли мент, то ли мотострелок... На рукаве какие-то желтые уголки в количестве трех штук на красном фоне... Штаны синие с кантом, вместо берцев – сапоги... Сапоги, правда, качественные, не кирза. Яловые или хромовые, под слоем пыли не понять. Портупея офицерская, на ремне пряжка непривычной конфигурации, хоть и со звездой, кобура непривычной формы... Бред да и только!

Та-а-ак... А что так-то, коли все не так?! – как говаривал Евгений Гришковец (а кто это?)... А что у нас вокруг? Рядом человек в такой же форме лежит... Бля! – он же мертвый! Да и нижней половины тела нет!.. Вот так вот просто: ниже пояса человека нет, только что-то землей присыпанное, с землей перемешанное, тускло поблескивает, жидким сочится. Бр-р! – у меня глюки! Тут слышу, кто-то что-то непонятное говорит, причем звук, не только как будто у меня беруши вставлены, а еще и какой-то... во-во! – порнофильмовский.

Ну да, точно – по-немецки гуторят. Приподнялся чуток, высунулся из ямки, оглядываюсь: двое типов в классическом гитлеровском прикиде из фильмов. Смотрю на них с интересом: блин, реконструкторы, что ли? Вот психи! Какого хрена немцев в Таджикистане реконструировать? Ну я б еще понял реконструкцию боев с басмачами (с татаро-монголами какими, накрайняк).

И тут в мою бедную башку паровым молотом лупит мысль: «Вокруг моря нет, да и лес рядом, и кусты вокруг, и все тут какое-то подозрительно нетаджикское!» Да ни херад-зе себе, чего-то я наш пляж вообще не узнаю! А за это время типы, прикинутые в немецкое, подходят ближе и, лопоча на своем, чего-то мне говорят:

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым.

Во! В роль вошли, заигрались!

– Хоре, пацаны кино мочить, че за херня происходит? Может, уже по-русски чего-нибудь скажете?

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым...

– Пацаны, хватит выеживаться! Я ж могу и в тыкву дать, да так, что голова в трусы провалится и памперс не поможет. Что происходит, где я, кто вы?

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым... – произнося эту нечленораздельную (фу, какое некрасивое слово!) фразу, немецприкинутый эдак

непринужденно берет свою ружбайку, передергивает затвор и стреляет в меня. Пуля попадает в голову. Бо-о-ольно же! И я даже чувствую, как разлетаются осколки черепушки, и мой несчастный мозг так и брызжет в стороны... Я что – умер?

Темнота!.. И тут же свет!..

Черт побери, я снова жив? Или меня никто и не убивал? Во, блин, солнышком головушку напекло! Щупаю дырку во лбу. Оп-па! А ее-то и нету! Что за дела?!

Опять доносится какая-то чепуха, похожая на немецкий язык... Что, все сначала?!

– Хоре, пацаны кино мочить, че за херня происходит? Может, уже по-русски скажете?

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грим-брым...

– Пацаны, да хватит уже выеживаться! Я ж могу и в тыкву дать, да так, что голова в трусы провалится и памперс не поможет! Что происходит, где я, кто вы?!

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грим-брым... – произнося эту нечленораздельную фразу, одетый в фашиста мужик опять снимает свою ружбайку с плеча, снова передергивает затвор и снова стреляет в меня.

Мне показалось, или это со мной уже было? Опять мощная пуля пробивает мне на фиг черепушку и разносит на брызги мозг... Бо-о-о-о-ольно же!!!

Темнота!.. И тут же снова свет!..

Перемотка! Черт побери! Я снова жив?!! Это что, ком-

пьютерная игра и я, так сказать, засеивился и сохранил прогресс?! Ну, бре-е-ед!!!

Щупаю лоб, затылок: дырок нет! А тогда откуда мозги брызгали?! А как же кровь, залившая глаза?! Я ЭТО чувствовал!!! Это что за «Каунтер-Страйк»?! Блин, в жизни наркотики не пробовал!.. Может, мне их подкинули в овсянку, что я лопал на завтрак? Есть же какие-то наркодилеры, которые так вот, по-хитрому, подсаживают! Не так давно в инете читал про что-то подобное. Неужели влип?!

А «оно» не унимается:

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грим-брым...

И меня, как «заело» на одном, ничего другого сказать не могу:

– Хоре, пацаны, кино мочить, че за херня происходит? Может, уже по-русски скажете?

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грим-брым...

– Пацаны, хватит выеживаться! Я ж могу и в тыкву дать, да так, что голова в трусы провалится и памперс не поможет. Что происходит, где я, кто вы?

– Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грим-брым... – произнося эту нечленораздельную фразу (она меня уже не напрягает), немцеприкинутый эдак неприужденно берет свою ружбайку, поудобней.

Блин! Опять же убьют!.. Не, ребята, надо что-то делать...

Делаю милое доброе лицо. «Немцу это, видимо, нравится. И он лениво так, всего лишь – хрясь! – мне по башке. И взрыв мозга на фиг! Не знаю, что больнее было, пуля или приклад! Все! Что ли, опять убили меня?! Два раза меня убили выстрелом, а на третий обошлись прикладом?! Охренеть!..

Темнота... свет...

Что-то вжикнуло, и, блин, опять немец ружжом замахивается. Это что, включили опцию «повтор понравившегося зрителям кадра»? А кто зрители-то?! Мама! Опять на голову опускается приклад проклятого карамульта! И снова ащ-кая боль!.. Да что это со мной?! Да где же это я?! Вспышка... Я умер... Темнота... Вспышка... Снова немец с занесенным прикладом... Да сколько ж можно?! Приклад летит к моей дыне с огромной скоростью и силой, а у меня успевает сверкнуть мысль: «День сурка»???²

Точно! Видимо, как и герой того фильма, я что-то должен сделать, чтобы остановить этот одноместный конвейер смерти!..

Не-а, не успеваю! Опять убили... в какой уж раз... Вжик... Вспышка... Вжик... Вспышка... Может, мне голову чуть отодвинуть? Не пойму, когда и где, но я отодвигаю ее вправо... Вжик... Убили... Темнота... Вспышка... Вжик... Убили... Темнота... Вспышка... Блин! Надо было голову влево сдвигать! Вроде где-то сдвигаю... Бам-м!!! Больно, су-

² Название голливудского фильма, где главный герой застревает в одном дне, во втором февраля.

ка!

Хоть что-то изменилось! Потому что жив, и доказательством тому в глазах заплясали не то чтобы звездочки, а целые галактики. На хрен! – я столько звезд и ясной ночью на высокогорье не видал! Реконструкторы³ хреновы! Офигели, что ли?!.. Упал, конечно...

– Ты че, с дуба рухнул, верблюдофил обдолбанный?! В немцев заигрались?! – заорал я, поднимаясь и одновременно потирая ушибленное место (шишка – с кулак, не вру!), отряхивая голову и форму от землицы (прикиньте: по-моему, это чернозем! Это в Таджикистане-то?). – У тя че, лишние яйца завелись?! – и буром пру на ударившего. А тот почему-то чуть сел на очко и взглядом другого просит хелпнуть.

Рывком выхватываю ружбайку (офигеть! – она какая-то... необычная) и наотмашь хреначу фулюгана по башне. Тут уже второй снимает с плеча свое ружье. Карамультук у него – вроде как точная копия того, что у меня в руках, он пытается передернуть затвор...

Я отчего-то вдруг широко зеваю, а у этого баобаба патрон идет в ствол... И он, вскинув винтовку, стреляет прямо мне в грудь! Мама! – как же больно-то!.. Вжик... Убили... Темнота... Вспышка... Вжик... Вспышка... Твою мать,

³ Реконструкторы (*реконы, меченосцы*) – люди, занимающиеся воссозданием определенного исторического периода. Под воссозданием понимаются изготовление оружия, доспехов и предметов быта времен реконструируемого периода, изучение военного искусства и нравов мира того времени и выезды на пленэр с целью пожить жизнью предков.

это что, компьютерная игра с полным погружением?! Больно же! Это, блин, Мюнхгаузен в фильме говорил: «Господи! Как умирать надоело!» Его бы на мое место, что бы он тогда сказал, враль немецкий!.. Хотя... какой он, на фиг, немецкий, если никакой державе, кроме России, в жизни не служил. А служил кирасирский ротмистр достойно, турок зачетно лупцевал под Очаковым... А я?.. Что, хуже?..

Пока я раздумываю над ситуацией, одетый в ископаемого нацика дятел снова стреляет... Меня опять убили... Ну, сколько можно-то! Кто это так надо мной издевается? Кто-нибудь объяснит мне, что на фиг тут происходит?! Что за серийный геноцид в отношении отдельно взятого индивидуума, гражданина суверенного Таджикистана?!

Вжик... Вспышка... Темнота... Вжик... Вспышка...

Кажется, я понял тутошний расклад! Мне надо увернуться от пули! Ну, или чморнуть второго фулюгана, первый-то уж какой раз тихо-мирно лежит, пуская кровавые сопли. Урод снова вскидывает ружжо, и я в последний миг делаю шаг влево. Не, Нео из «Матрицы» отдыхает: пуля кретина в фельдграу летит мимо, а я поднимаю захваченную винтовку над котелком (то есть головой немца), тот судорожно (так он все-таки немец?!) пытается дослать патрон в ствол своего гансегана... А вот хрен тебе! – я научен горьким опытом...

Да куда там тебе, кривоногому?! Хренанасеньки! – Прикладом: «получи фашист гранату»! И получивший блаженствует. Результат наконец-то радует: оба дебошира лежат у

моей ямки (окопа, щели, ячейки – выберите нужное сами), раздвинув пасти на ширину собственных винтовочных прикладов (как нас в свое время учили правильно «Ура!» кричать). Кстати, если это все-таки реальная немчура, то отчего у них на пузе нет знаменитых «Шмайссеров» и почему рукава до локтя не завернуты, да и на поясе тушек куриных не видно? Неужели киношники обманули, а?

– Не, пацаны, в чем дело, я, в натуре, что ли, в танке?!

«Второй», прямо вот так вот – лежа на спине, опять тянется ручонками очумелыми к своей ружбайке... Ну, нет! Хрясь! – получает прикладом по опрометчиво подставленным колокольчикам. Минуты три высокооктанового оргазма ему обеспечены как минимум, да и детей у него теперь, видимо, не будет. А то ж они опять меня строить начнут, то есть убивать немножко, а местами – так даже очень множко.

Значицца, фулюганы Вилли и Рулле⁴ валяются, и оба уж очень недобро смотрят на меня. Стою я над ними, в руках, как неандерталец дубину, держу одно ружьецо, второе уже тоже подобрал, себе за спину повесил.

– Ну и кто вы такие, гады?!

Они не то чтобы совсем не отвечают мне. Нет, что-то лопочут-бормочут. Только мне их ответ – набор неинформативных звуков, причем звучащих как-то по-немецки. Вот ведь утырки!..

Оп-па! Кто это кричит за спиной? Не дай бог, еще такие

⁴ Персонажи книги Астрид Линдгрэн «Малыш и Карлсон» – мелкие жулики.

же пожаловали! И будет мне: «Гуляй, «узбеки», рыдай Европы! – Я попал в самую, самую глубокую... опу!» А как это еще назвать-то?!

– Товарищ старший лейтенант... а, товарищ старший лейтенант, – кто-то кого-то упорно зовет. Осматриваюсь: ко мне идет паренек в такой же форме, как и моя. Только штаны зеленые...

Оглядываюсь, старлеев вокруг никаких и нигде не видеть... Че? И у этого глюки? Где ж он старлея увидал?

А парень прет на меня как паровоз, а сам через слово на второе тормозит, воздух широко открытым ртом набирает:

– Товарищ командир... значит, мы только... двое выжили... тут по полю... такие же, как эти... немцы ходят... добивают наших.

– Это кто командир? Я, что ли? – чувствую, что шиizeю окончательно и бесповоротно.

– Товарищ... старший лейтенант... что с вами?... А вас, по-моему, контузило... у вашей ячейки мина упала... я думал, что вас – в куски... а у вас, значит, только контузия...

– Ты кто, боец?

– Красноармеец Василь Тыгнырядно.

– А я кто?

– Как кто? Старший лейтенант Любимов.

– Слышь, Василь, а число сегодня какое?

– Так двадцать четвертое июня, второй день немец прет... Вчера вечером вы с группой пограничников вышли к наше-

му батальону... с самой границы, видать, шли... а у нас комроты-три⁵ убило... ну, и комбат, как старший по званию, вам приказал принять третью роту... а теперь... роты нет... да и батальона... тоже...

По грязным щекам Василия, оставляя отчетливые светлые дорожки, прокатились слезы – ровно две штуки. Это я так подумал почему-то: «ровно две штуки – и все».

Я тупо сел... Домечтался, блин! Вот тебе – Белоруссия (или Украина?) образца 1941⁶ года: бери и жри ее! Мне это видится в непонятном состоянии? Или я реально попал в 24 июня 1941 года?

– Васек, ущипни меня.

Васек подошел и сделал какое-то ласкательное движение. Вроде дотронулся до меня, но уж как-то... Муха сядет – и то больше чувствуешь.

– Вам что, приказ непонятен?! Приказано ущипнуть командира, япона мать!

И вот тогда этот исполнительный сукин сын мне чуть бок не оторвал! Нет, блин, не снится! – от такой боли мертвый проснулся бы на фиг! Так ведь перед тем и по голове прилетало очень больно (что пулями, что прикладом), и в грудь фашик стрелял тоже – ого-го, без обезболивающего. Похоже, все-таки я в сорок первом! Домечтался, идиот! Дочитался книжек про попаданцев! И что я тут смогу сделать? Да ни

⁵ Командир третьей роты батальона.

⁶ Через одну-две страницы поймете, в чем дело.

хрена я не смогу! Очень хреново... Машуня осталась там, на берегу моря... а я тут...

Блин! Знал бы, что сюда попаду, я бы себе в голову схемы ППС⁷, ИС-2⁸, Б-29⁹ (или как там амерский бомбоносец обзывался?), ядерен-батона и так далее, напихал бы. А так я только нарисовать могу ППС (ни разу не Рубенс и даже не чертежник!). Только вот нарисованный мною ППС ничем от МП-38 отличаться не будет. Короче, Иосифу Виссарионычу я как бензонасос от «Мерседеса W-210» нужен, ну или, вариант, как кресло от «Боинга-777». То есть на фиг не нужен.

– Товарищ старший лейтенант, давай... те уж немцев при-
бьем, да и пойдем от греха подальше в лес. А то маячим тут как три тополя на Плющихе (блин, это мне точно показалось, фильма еще не было!.. Или тогда так тоже говорили?).

Пытаюсь взять себя в руки, раз уж я теперь командир и аж цельный старлей:

– Хорошо, добьем. А как?

Боец долго не размышлял:

– Ну... сперва прикладом по кумполу, как без чувств будет, тогда или штыком или душите, а можно сразу, без нежностей, нож в грудь, и поминай как звали.

⁷ Пистолет-пулемет Судаева, наиболее технологичный ПП Второй мировой войны.

⁸ Один из лучших танков ВОВ (и вообще Второй мировой войны).

⁹ Стратегический бомбардировщик США, бомбы на Хиросиму и Нагасаки были сброшены с этого самолета.

Я выбираю более культурный, что ли, вариант убивства, чтоб прирезать немцев, находясь в состоянии нестояния.

Синхронно опускаются приклады, глухой треск. Потом Василий достал нож и неспешно, как на бойне, одним ударом, предварительно нащупав нужное межребрие, сделал из «своего» немца труп. А мне боязно. На границе-то убивать как-то не довелось, да и потом по жизни бог миловал, никого (даже животных) не убивал, максимум как-то машиной лягуху слепешил. Так что на себя у меня надежды маловато.

– Красноармеец Тыгнырядно, – я сглотнул, подавляя рвоту, – ты это... давай, тем же макарон оприходуй и этого.

И Васек, так же по-крестьянски (как валушка или кабанчика), неторопливо и обыденно прирезал второго. Потом, уже вместе, очистили от барахла мертвых немцев, им-то теперь шмотье на фиг не нужно. А меня порадовало: трупы шмонал уже почти без эмоций и даже на блевашки почему-то не тянуло. Вот так маньяками, наверное, и становятся... Это я себя успокаиваю таким черным юмором. А что? Помогает ведь. С другой стороны, к трупам я всегда спокойнее относился. Юрист все-таки, на курсе судебной медицины поход в морг на вскрытие обязательным был. А там для студентов-юристов патологоанатомы чаще или бомжей подбирали, или что-нибудь еще, не совсем свежее. Издевались, гады, на прочность проверяли. Еще и коржики при этом грызли, той же самой рукой держа коржик, сволочи...

Еще заметил, что слова в своих мыслях употребляю почти

исключительно как на каком-нибудь отвязном форуме. Отчего бы это? Вроде в жизни так если и говорил, то в шутку и изредка... Хрен с ним, со своим изменившимся лексиконом попозже разберусь... Если будет у меня это самое «попозже»...

– Все, товарищ лейтенант, идемте по-за кустами к лесу, только метров через пятьдесят придется немного проползти.

Мы короткими перебежками преодолели кусты. И тут я опомнился: Васек держал карабин немецкий как положено (хороший солдат), да еще и патрон в ствол дослал, а я, как придурок (скорее лох), схватил свой как дубину – за ствол (и со стороны напоминал троглодита в охоте на мамонта). Образумившись, перехватил фашистское оружие нормально (да-а-а, это вам ни фига не «АКМ»!), да и патрон тоже дослал в ствол (не сразу, но дослал)...

Наконец кусты кончились. Блин! А до леса-то еще метров пятьдесят почти открытого пространства. Но, как говорится, дома и стены помогают, а раз пока тысяча девятьсот сорок первый, то я здесь совсем не гастарбайтер (хоть я и русак рязанско-оренбургский, но по гражданству таки гражданин Таджикистана), а самый настоящий представитель хозяев страны. Короче, нам не стены, нам трава помогла. И, скрываясь в траве, как два агрессивных червяка, мы доползли до леса. Затем еще чуток проползли, а там, вздохнув облегченно, рванули бегом.

Набегавшись до икоты (это не художественный, блин, об-

раз, а злая проза жизни!), остановились у лесного родничка, тот журчал себе аполитично да пацифично. И журчаньем своим напевал какие-то свои неподходящие к текущему моменту песни о любви, лете, тепле и тому подобном прочем. А он нам, кстати, в качестве источника политинформации и не нужен был, зато воду поставлял вкусную и холодную. Хлебали лежа, как ужи, жадно, периодически кашляя. Пока икота не прошла. Ну, почти прошла. Напившись, мы до такой степени пришли в себя, что даже начали прихорашиваться. У меня, оказывается, в нагрудные карманы набилось горсти с две землицы, пришлось вернуть их матери-земле. Больше в одном кармане ничего не было, зато в другом нашлись документы старшего лейтенанта погранвойск НКВД Виталия Любимова. Офигеть, и не вставать плюс бесконечность! – Это же мои инициалы! Но у меня предков с такими анкетными данными не было, значит, это не мой предок. Дед мой на войне оказался лишь в сорок втором (возраст не позволял, он три раза бегал на войну, но, пока не стукнуло восемнадцать, не брали его). Зато потом он аж до пятидесятого года в Европах шатался – оккупационные войска. Рассказывал, что у меня там, в Европах, возможно, дядьки-тетьки незаконные есть. Немоく понять можно, мужиков война выбила, а дед тогда молодой был, красивый, ордена-медали... – красавЕц, короче.

Ну а мы с Василием, передохнув, снова рванули на восток, типа – к нашим. Я, как непьющий, из немецкой фляжки слил

на фиг шнапс и набрал водички – в пути нужнее. А Васек не слил, алкаш анонимный.

Вот иду, а сам постепенно пытаюсь понять, что же происходит и что теперь делать. Сон-то у меня какой знатный! Правда, к Сталину путь заказан, к Гитлеру ваще на фиг не надо (да горит этот ублюдок в аду во веки вечные!). Значит, начитался ты, брат, книг о попаданцах, о советских партизанах, о Медведевых с Ковпаками, вот тебе и шанс: попробуй-ка теперь себя в роли партизана!

Все-таки интересно: что со мной на самом деле сейчас происходит? То ли голову напекло на пляже до какого-нибудь инсульта, и тогда я сейчас в ближайшем отделении экстренной терапии в коматозном виде под капельницами валяюсь. То ли вправду какие-нибудь афганские духи-экстремалы задали себе задачу отомстить всем, кто в российских погранвойсках служил, да и, в порядке той мести, подсунули мне какую-то хитрую наркоту в каше. И тогда я опять-таки в коматозе лежу и под капельницами, но только в ближайшей психушке... Нет, это уж полный бред был бы!.. Но, блин, какой у меня бред подробный, детализированный! И все цвета, и оттенки, и звуки, и запахи! Впрочем, глюков у меня до этого в жизни не ловилось, так что, может быть, это у всех такое в видениях... Или у всех, кто с богатым воображением...

Я, как долбанутый (контуженный на всю голову), плетусь в арьергарде, Васек движется чуть впереди, пересекая местность бесшумно, как привидение. Иду за ним, хрустя валеж-

ником. Вдруг Тыгнырядно приостанавливается, поднимает руку, типа – внимание. Ладно, тоже не пальцем деланные, понял я.

Пытаясь не шуметь как лось, подхожу к Василию, вглядываюсь параллельно взгляду Тыгнырядна (да, склонил несклоняемую фамилию). Чего вижу? – Вижу лесную дорожку, а на ней – два немца чего-то шебуршатся, рядом стоит мотоцикл. Жестом показываю Ваське – мочим гнид. Я ж все-таки офицер, то есть командир, и пора уже вернуть свой авторитет. Так же жестом показываю Ваське на левого и как бы намекаю, что правый мой. Затаив дыхание, крадемся вперед, наши карабины (Kar-98k¹⁰ – Васек сказал, как этот карамультик обзывается) давно готовы плюнуть свинцом. Осматриваемся, я – вправо, Васек – влево, ни хера больше в округе нет, то есть ни херра¹¹ нет (немцев нет). Я показываю интернациональным жестом (ладонью по шее): амбец немцам, пора мочить.

Чтобы ружбайка не дрожала (впервые в живого человека стреляю), ставлю ее для упора в развилку куста, да уж, це не «калаш», совсем не «калаш»... Тыгнырядно стоит, блин, как заправский биатлонист (у них же там, в биатлоне, стоячий огневой рубеж есть). Пальцами левой руки веду отсчет до выстрела: три, два, раз – бац-бац! – и не мимо! На полсекунды раньше меня в затылок своего немца вогнал свою пу-

¹⁰ Стрелковое оружие Вермахта.

¹¹ Херр (герр) – господин (*нем.*).

лю Тыгнырядно, затем и в живот «моего» колбасника вошла моя пуля. И мы, как лоси в сезон течки (ну или когда там они агрессивны?), бросились к немчуре. Фрицы, оказывается, рылись в чужих вещах: на противоположной нам стороне дороги, зарывшись до половины в придорожные кусты, стоит грузовичок. Я не знаю, что это за тачка, «ЗИС» это или вообще «ГАЗ», Васек обозвал эту ископаемую «Газель» полуторкой.

Рядом валяются убитые: один, видимо, водитель полуторки, женщина и милиционер (а как я понял, что это милиционер?). Водила и женщина – в штатском, милиционер, как положено, в форме, в мертвой руке сжимает «Наган». Похоже, они тут не туда зарулили, застряли и ремонтировались: крышки капота открыты. А немцы, внезапно появившись, убили всех троих.

После осмотра документов выясняется, женщина – заведующая РайПО¹², мужчина в штатском – водитель того же РайПО, а мильтон, видимо, при них для охраны был. И везли они золото (не слитки, конечно, а ювелирку всякую) и деньги, потому немчура, охерев от добытого, и не просекла нашего появления. Вот и представляет собой теперь дохлая фашистня, так сказать, наглядное пособие о вреде мародерства.

¹² Районное Потребительское Общество, вся торговля бытовыми товарами (и не только) во времена СССР совершалась данной полугосударственной структурой.

И тут экстрима добавляет «мой» немец: он приходит в себя и начинает нести какую-то ахиною:

– Майне либе кляйне, майне Лизхен (это я не дословно, но что-то такое и примерно так немец и лепетал)...

А мне нужно чуть потерянный авторитет перед бойцом поднимать, и как мне не ссыкотно, подношу к левой стороне груди немца карабин и жму на спуск (признаю, в момент выстрела глаза закрыл). Внутри и страх, и переживания, и волнение, но внешне-то держусь как Чингачгук¹³. Ловлю уважающий взгляд Тыгнырядна (или Тыгнырядны?). Внутренне я уже почти раздулся от гордости: орел, в натуре! Ну что ж, продолжу «орлять» (или орельствовать?) дальше, пока прет:

– Красноармеец Тыгнырядно, сейчас мы с тобой похороним убитых, а потом перенесем все деньги и украшения в лес и прикопаем. Нести с собой нет резона, нам воевать надо.

– Ага! – отвечает бравый Тыгнырядно.

Наших убитых мы прикопали недалеко от дороги, честно говоря, кое-как, подрывшись в какую-то нору под сосной и расширив ее, сверху положили жестянку с документами погибших, после войны разберемся. В машине нашелся еще и топор, которым я сделал на сосне затес, на котором кое-как выцарапал дату и написал: «Трое советских людей». Чуток отдохнув, возвращаемся к машине и кладем все ценности в один мешок, заворачиваем его, и снова – в другой мешок,

¹³ Персонаж пенталогии Фенимора Купера «Кожаный Чулок», североамериканский индеец.

затем Васек взваливает мешок себе на спину, я беру лопату, и мы идем в лес. Заховав золотищенности, снова беру у Тыгнырядна нож и вырезаю на коре дерева (под которым прирыто добро) слово «Клад» (довольно неоригинально, но ничего больше в голову не пришло), потом делаю стрелку, показывающую вниз.

– Все, Тыгнырядно, теперь можно идти... Или ехать, – я притормозил. – Слушай, ты мотоцикл водить, случайно, не умеешь?

– Да, товарищ командир, в Осоавиахиме¹⁴ учился, только там у нас «ПМЗ» были и «ТИЗи»... – Василь почесал «у потылице», – А! Справлюсь как-нибудь. Тут ОРУДу нема.

– Тогда каску немецкую на голову и заводи эту шайтан-арбу!

– Чего заводить?

– Мотоцикл, говорю, заводи! – Да, Ильфа с Петровым красноармеец Тыгнырядно явно не читал.

Пока Василь разбирался с производением баварского автотрома (или мотоциклопрома?), я собрал трофеи, в том числе и документы погибших, кому-нибудь передадим. Минут через пять-семь на весь лес (как нам показалось) затахтел наш цундап (или БМВ – совсем другое?), я прыгнул в коляску и удобно сел, ухватившись за пулемет. Провозившись с пулеметом минуты две, дослал патрон в ствол, мало ли: вдруг впереди враг. И мы покатили вперед. Интересно, а

¹⁴ Старое название ДОСААФ.

переснарядить этот барабан я сумею? Надо бы разобраться получше во время следующей остановки. А пока, надеюсь, и этого хватит...

Ехали мы довольно долго, но, когда едва стало вечереть, не рискнули двигаться в сумерках и, оттолкав байк метров на двадцать в лес, решили поесть, ну арийцы нам консервов каких-то подкинули в кузове (вообще-то вроде багажник) мотоцикла. И только сели вечерять, как слышно пиликанье по лесу одиночного мотора. Так ведь у нас пулемет имеется, как же пропустить одиночных полуночников-нелегалов с рейховыми паспортами без советской визы? Пограничник я или нет?! Получается, аж дважды пограничник! Натянув каски, отцепляем пулемет МГ, так обозвал его Васек (почти как Дженерал Моторз, но наоборот), таимся в кустах у дороги. Наконец рокот мотора приближается, вот уже виден силуэт очередного байка. И я даю щедрую (даже слишком – не рассчитал) очередь по тонкому лучу мотоциклетной фары (светомаскировка), мотик виляет, и с другой стороны дороги Васек влупливает из своего Kar-98 по сидящему в коляске немчурину. Нам, обормотам, повезло: и что на этом мотоцикле пулемета не было, и что мотоциклиста я убил первой очередью (правда, выпустил патронов пятнадцать, а попал, как оказалось, всего двумя, зато один – прямо в глаз), Васек своего ранил, потом прибил прикладом, ну нечего им было нам подлянить с ужином, кайфоломы. Само собой, у нас уже полная эйфория, за день шестерых немцев убили,

Рэмбы, блин! Потому, на радостях пожрав, легли спать без предосторожностей. Даже не додумались замаскировать следы съезда, ну не идиоты?!

Единственное, о чем подумать успел, перед тем как отрубиться, так это: «А что, если утром проснусь, а прошлый день весь по новой запустится? «День сурка» же у меня! Ну, или «зеркало для героя», если патриотичнее...»

Так что нас, дрыхнувших, как в мирном турпоходе, немцы и взяли ночью, суки тевтонские! Васька хоть попытался отбиваться, его убили очередью из автомата, а мне, сонному, какой-то умник дал по тыкве – и абзац (они что, думают: у меня тыква казенная?). И даже никакой «перемотки», видимо, кто-то сверху так перепланировал мой путь в этом мире (или глюке?).

Немцы, оказывается, по дороге колонну военнопленных наших гнали, да и заночевали вместе с колонной всего в паре-тройке километров от нас. Услышав звуки нашего блицкрига, малость обеспокоились и, выделив для той цели народец, старательно начали искать окаянцев, сначала нашли мотоцикл, который мы раздолбали, да еще с тепленькими трупами в комплекте, и по нашим же следам, по следам мотоцикла, которые только слепой бы не увидел, тут и Чингачгук не надо было быть, прошли маленечко, да и взяли ночью тепленьких. К тому времени еще и не стемнело толком. Месяц июнь, как-никак, ночи короткие. И, почти не разбудив, опять ушибленного на всю голову, повели меня куда-то

в полутьме. Сперва, само собой, побив гениально-генерально, нанеся мне «множественные ушибы тупыми предметами». Да нет, эти суки не предметами били, а всем, что попадалось под руки, ну и руками-ногами добавляли. Помню только, что очень удивился, почему немцы мотоцикл не забрали. Удивлялся недолго, пока из лесу на нашем мотоцикле не притарахтел немчик, который почти сразу по приказу своего командира потарахтел куда-то дальше, отвозить «выморочное имущество», вместе со второй тарахтелкой... Затем меня привели куда-то, а там большая толпа наших пленных ночует на поляне, точнее – на опушке леса, она же – широкая обочина дороги. Вокруг немчура у костров сидит, жрут. Никакой тебе светомаскировки! Не боятся никого. Нам, пленным, само собой, хрен что дали, то есть ничего не дали. Ну, мне-то не особо важно, мы с Васькой не так уж давно пожрали, и даже с часок, наверное, поспать успели. Васька хоть сытым помер. Может, ему не так обидно будет. А, как ни крути, в смерти бойца я виноват. Раз уж командиром назвался, должен был подумать обо всем: и о следах, и о дежурстве по очереди. Кем бы я ни был: хоть в реале сержантом погранвойск, хоть в этом бреду старлеем... Косяк, да еще какой! И, даже если косяк не в реале, а коматозном бреду, все равно как-то хреновато на душе... Одна надежда, что с утра или в сознание приду где-нибудь в больнице, или мой «День сурка» продолжится и я все исправлю, и Василий живой останется.

До рассвета я так и не уснул. Да и не пытался, честно говоря. И не только потому, что, лежа на пыльной обочине, да с раскалывающейся черепушкой, особо не поспишь. Уж больно много всего в мою ушибленную голову лезло. Еще немцы удивляли. Ведь, сволочи, нисколько не боялись, что пленные в темноте рванут в разные стороны. Нет, посты они какие-то точно выставили, фонариками время от времени валяющихся красноармейцев высвечивали. Но ведь их не так уж и много было. И уж точно, что пленных как минимум раз в десять больше было. Наверное, потому, что пленные какие-то вялые были. Как пришибленные все. Даже не шептался между собой никто. Во всяком случае, я не слышал. Так вот, в раздумьях и в борьбе с головной болью, ночь и прошла...

И что было до того? Как я оказался в белорусском лесу, почти наедине, да с толпами фашистов немецких в придачу? А до того сначала было прекрасное утро 24 июня 2012 года.

Глава II

«Начало»

*24 июня 2016 года, Республика Таджикистан, г. Кайрак-
кум, побережье Кайраккумского водохранилища*

– Ну все, Мань, пошли на пляж...

Я быстро дожевываю сэндвич (может, и сэндвич или сандвич, черт его знает, слово-то наглийское), беру книжку и бреду на пляж.

Маняша в это время записывает какие-то супер-пупер рецепты, по одному из тарелочных каналов. Нашли время, сволочи, на рецепты каких-то деликатесов... Ну, Манюнька теперь долго не отлипнет от телика, пока все рецепты не запишет. Пойду уж, почитаю на пляже, а то устал, как раб на галерах: Машендра (ну и я не совсем как бы против был) с утра устроила разврат, с ее темпераментом это еще то, это нЕчто!

Ах да! Кто мы такие и где мы находимся? – интересно ж читателю. Я – Виталий, таджикистанский узбек-русак (это не сорт винограда, это особенности национального размежевания времен раннего СССР). Работаю адвокатом в Худжанде¹⁵, это северная (она же, как и Питер в России, – культур-

¹⁵ Худжанд – город в Северном Таджикистане, известен примерно уже 2500 лет. Есть версия, что основан Александром Македонским – Александрия эсхата (дальняя).

ная) столица Таджикистана. А она, Мария Машкова, старший налоговый инспектор одного из городков Ленинградской области РФ. Рост у нее 176, вес 55, бюст 95 см, талия – 62, и 89 см бедра (завидуем молча). Познакомились мы с ней через Интернет (данке и сенька-ю, м-агент¹⁶), и поначалу через Интернет и общались. Как друзья (ну, или подруги, Интернет – общение почти бесполое). Она у меня периодически просила совета: как быть со своим, описывая ту или иную ситуацию. Или я, в свою очередь, спрашивал у нее совета, как мне быть со своей. А потом понесло (понятно куда). Короче: теперь я ее мужчина, а она, следовательно, моя женщина, и мы – типа пара. Ну, или пара типов.

Вы, наверно, спросите, что за нация такая – таджикостанский русак-узбек? И почему у меня рязанско-оренбургское происхождение? Начну с генеалогии, предки мои – из безымянной деревни, что под Рязанью. Почему без имени родовая деревня? Да потому что за давностью лет ее название просто забыто было. Прапредок мой бежал вместе со своей невестой от помещика, а тогда было крепостное право, прапрапрапрабабка была писаной красавицей, и помещик решил присвоить ее. Что мог прапрапрапрадед противопоставить статусу помещика? Ничего, крепостной он был, и звать его никак. Вот и сбежала наша сладкая парочка, осели в Оренбуржье, расчистили в лесу поляну, поставили пятистенок, не сразу, но поставили, да и зажили счастливо. Та-

¹⁶ М-агент, программа портала «Mail.ru» для быстрого обмена сообщениями.

кие же беглые оседали рядом, и в конце XIX века это была уже большая деревня. Тут прапрадед (в прапрапрапрадеда был, видимо) повздорил с местной властью и по стопам русской армии проник вместе с семьей в Туркестанский край. Осели у Ташкента, древний город, ровесник Рима и Помпеи, стал столицей Туркестанского генерал-губернаторства. Потом грянула революция, и вот уже прадед устанавливал Советскую власть да басмачей ловил. Когда все устаканилось, прадед осел в Советском районе Ленинабадской области ТаджССР и дорос до начальника милиции района. Дед родился в двадцать пятом году, третьим ребенком был, всего прабабушка, Марья Антоновна (как дочь Сквозник-Дмухановского¹⁷), родила пятерых: трех парней, ну и, напоследок, дочурки, Агафья да Дарья.

Ну да, Советский район на 95 процентов населен узбеками, среди них я и вырос, и вначале говорил больше по-узбекски, ведь отец с матерью всегда на работе пропадали, а я с соседскими пацанами шлялся. И звали меня Витал-урус, зато потом, когда пошел в школу, меня там обозвали «узбеком», учился я в русской школе, некоторые одноклассники обзывали меня тоже «узбеком», хотя сами являлись узбеками, тот же Бахтиер Азизов, что по кличке Бати. Он потом погиб в 1994-м на гражданской войне, хотя мог не идти в тот бой, но отслужил два года, и сержант Азизов героически погиб в конце второго года службы, спасая свое отделение –

¹⁷ Фамилия Городничего из «Ревизора» Н. В. Гоголя.

новичков, прикрыл желторотиков, но сам попал в вилку минометчика-афганца, а пацаны вышли.

Ах да, Любимовы мы, с того самого пращура героя-любовника фамилия пошла, Ромео с Джульеттами тех времен «любимыми» обзывали, так оно и пошло. Вот такая у меня генеалогия; вернемся ко мне и к Машутке.

Кстати, оба любим тепло. Вообще я родом из СССР и для меня эта аббревиатура не сочетание букв, а сочетание счастья, любви, воспоминаний и мечт. То есть я не русофил, а советофил, для пиндосов всяких с наглами это одно и то же, а мне на них наср... ой! – фиолетово, короче, сильно на них... даже ультрафиолетово и инфракрасно.

А вот по отношению к противоположному полу – я полный интернационалист, толераст и лесбиян. Поскольку женская красота от национальности и расы не зависит.

И вот мы с Машей забили очередную нашу с ней стрелку на берегу таджикского моря – Кайраккумского водохранилища. Правда, водичка в оном «море» пресная, да и размером оно с большой прыщ, но – хоть такое. Зато – берег, песок, солнУшко, жара и пОпы. Конечно, я ж на пляже! И тут, конечно, разновсякие попы тудЫ-сюдЫ ходЮт, это закон породы. Ой! – природы. Раз пляж, то без поп никак... Ух ты! – монументальная попа!.. Правда, и целлюлит тоже глобальный...

Вот уже неделю мы с моей милой Машенькой отдыхаем. Полный «тюленинг», «моржинг» и «пингвининг». Ну, или

лежбище морских котиков. Хотя нет, полный отдых у нас как-то редко получается, поскольку оба (обоим) мы любим «это дело», как стадо матросов после полуторагодового плавания на подлодке.

Вот и сиди с утра собирались было пройтись, окрестности оглядеть, на природу полюбоваться. Пока вставал с постели, Машуня решила в одном лифчике мимо меня безнаказанно пройти. А как же мимо пропустить такое внедрище разврата, без внедрения-то! Нет, это был бы непорядок, я ведь не трагик, ой не комик. Ах да! – вспомнил! – не гомик и не импотенторенто. Вот и накрылась наша прогулка! А после одушевления (не оживания, а приема душа), причем пришлось дважды его принимать (ну, сами понимаете, почему!), мы собирались пойти искупаться. МеШтатели, размеШтались! В промежутках между одушевлениями, чтоб заглушить Машины крики-стоны, пришлось врубить телевизор, как звуко-дымовую завесу (через стенку-то – престарелая пара из Голландии – обзавидуются еще и пожалуются, как в первую ночь. Или кондратий от зависти хватит). Ну да, в первую ночь, в ночь встречи, мы хулиганили (если можно это так обзовнуть) всю ночь напролет, из-за Машкиных стонов соседи-евростукачи пожаловались администрации, и нас среди ночи призвали к толерастности. Ништяк себе толерантность – в три часа ночи, блин! – даже утра!

Вот и приходится мне по ночам на Машку глушитель надевать, то есть ее ротик прикрывать или ладонью, или уж со-

всем в кризисные моменты – подушкой. Потому как ладонь она запросто может откусить! Насчет толерантности: только наглосаксы в пачке с западноЕвропейцами считают, что толерантность для них. То есть все должны быть толерантными с ними, а они с другими – хега с два!¹⁸ То есть эта западная рожа может себе позволить пукнуть во время общего обеда (или рыгнуть), и мы его должны понять и пгостить¹⁹. А вот если мы хотим чего-то не нравящегося наглику (немцу, голландцу и т. д.) сделать... То должны толерастировать. Разве не свинство, я ж ему, когда этот ублюдок рыгнул, замечание или призыв к толерастии не делал, а чего же он нам ночью не дает свободы? Простите, вырвалось – не вынесла душа поэта²⁰.

Ну а когда с одушевлением все-таки закончили и собрались на пляж, по телику начали читать рецепт каких-то особо хрустящих свиных ушек, ну, или ушиных свинок, точно не помню. Глядя на это, Машка прилипла к телевизору круче, чем лист от березового веника к ягодичным мышцам в бане.

Потому я и кукую на пляже аки перст един, читаю книжку и на попы поглядываю. Ух ты, смотри: Дженнифер Жопес

¹⁸ Часто упоминаемое выражение одного из персонажей «Нашей Раши» А. Бородача, в исполнении М. Галустьяна.

¹⁹ Еще одно часто упоминаемое выражение одного из персонажей «Нашей Раши» А. Бородача, в исполнении М. Галустьяна.

²⁰ Цитата из стихотворения М. Лермонтова «Смерть поэта».

своей жоперсоной, Хы – Хы – Хы! Но, надо признать, хоть это и не сама Жопес, но жопес у мадам заЧОТный (каламбур, господа присяжные)... да и с тылу никакой разницы.

Е-мое, я уж долго, оказывается, на эту девушку смотрю! А если ща Машка спалит, это ж для меня персональная третья мировая настанет. И я, скромно потупив свои бесстыжие глазки, пытаюсь осилить, чего ж там намудрил аффтар, который не жжот. Но чего-то не читается. А почему? Да люди вокруг ходят, а некоторые такие волнительные... Ну, не люди, конечно, а линии бедер, или такие, в которых «тема сисег раскрыта».

Фу, ковыляет соседка, старушка-голландка, «эротический костюм, конечно, костюмом, но гладить-то его иногда надо»... Зато рядом, попа, вау! Сиськи – зачОт! Попка плосковата, зато в профиль линии неплохие... Вот это титьки! Фу, а это что за гладильная доска?.. Ох, выходное отверстие, пуля вошла в левую часть груди и вышла чуть ниже левой лопатки. Повезло, на волосок от смерти. Блин, откуда у мужика выходное отверстие в Таджикистане в 2016 году? Хотя, может, пограничник? Или во время гражданской войны²¹ получил пулю?

А как же, это выходное отверстие похоже на такую же «воронку» в спине деда, помню, как-то в году эдак 1982–1983 заметил у деда «ямку» в спине и спросил, что это. Дед рассказал, как и где получил эту пулю. Отметину поставил

²¹ Гражданская война в Таджикистане 1991–1997 гг.

ему немецкий снайпер, когда дед, тогда еще восемнадцатилетний пехотинец, освобождал Советскую Белоруссию. Конечно же, дед не помнил момента выстрела, очнулся он потом, через день, собачка санитарная учуяла, что боец еще живой, и растормошила деда. Собака и привела затем санитаров к раненому. А потом – тыловой госпиталь и месяцы лечения. Эх, война-война, Белоруссия и миллионы героев, наших предков, беззаветно боровшихся против гитлеров с их прихвостнями всех мастей!

И я, забыв про линии бедер и раскрытость/нераскрытость «темы сисег», впал всем своим мозгом в размышления о Той войне. Мужик ли с шрамом на то меня натолкнул, или же лежащая рядом книжка про очередного попаданца в сорок первый (еще и про погранца – потому и купил без раздумий). Разве не знал Сталин о приготовлениях Гитлера? Знал, конечно! Кем только не обзывали либералы Сталина – и кровопийцей, и убийцей, и фанатиком, и сухоруким параноиком, но глупцом-то никогда! А почему он позволил Гитлеру ударить первым? Да это на поверхности лежит, во всех странах тогда правили капиталисты, и, конечно, они ненавидели СССР, и Иосифа Виссарионовича лично, больше всего на свете. Ибо Советское государство и Сталин это были живые прецеденты существования государства без частной собственности. Да и не только... Для Запада мы при любом строе были помехой и источником зависти и шкурных вождений.

Именно поэтому западные страны до сих пор ненавидят СССР, потому и не помнят про миллионы погибших советских граждан, но помнят про мифический «миллион изнасилованных немок». Запад не помнит про тысячи мирных граждан СССР, погибших от бомб и пуль гитлеровских бомбардировщиков, зато помнит потопленный «Вильгельм Густлов». Запад не помнит про миллионы замученных военнопленных красноармейцев, не помнит про выкачку крови у советских детей в нацистских концлагерях ради нужд Вермахта, зато помнит про тысячу умерших немецких военнопленных.

Хорошо хоть почти никто не обвиняет Сталина в агрессии против Германии. Резвунки всякие, конечно, говорят о планах нападения на Германию, но факт остается фактом, напали немцы! Хотя, как знать, возможно, вскоре и так начнут талдычить: мол, СССР первым напал на Германию, США и всю Европу. С этих станется!

А вот если бы Сталин действительно первым напал на Гитлера, то СССР навеки бы заклеили агрессором и оккупантом. Обидно, порой и хотелось бы такого превентивного нападения, но понимаю, что СССР вынужден был ожидать удара немцев. В жутком напряжении, в любой момент. Я бы шизнулся – так ожидать беды! Потом пошло наперекосяк, проблем добавила халатность (или предательство) командования ЗапВО, и в результате к концу осени 1941 года немцы оказались у стен Москвы. И кадры немецкой кинохроники,

которыми любят щеголять западники, где бесконечные вереницы советских военнопленных. Причем геббельсовская пропаганда выхватывала грязные лица бойцов с потухшими взглядами. И этим геббельсы и геббельсёныши мотивировали отсталость, тупость и второсортность советских граждан. Так ведь людям не давали ни пожрать, ни воды для питья, куда там думать о чистоте лица, а потухшие взгляды, они у любых военнопленных. Вон, у немцев, попавших вместе с Паулюсом в плен, тоже лица не горят энтузиазмом и героизмом... И это при том, что наши пленных голодом не морили, медпомощь оказывали, а не добивали... Эх, попасть бы мне туда, в сорок первый, в Белоруссию...

Уже с часик прошло, солнышко голову припекает все более неистово (беспоощадно, настойчиво и т. д.), а я все лежу и жду Машеньку мою. А в голове моей роятся всюю совершенно не пляжные мысли, а проходят колонны советских военнопленных, понуро идущих под охраной гитлеровцев... И тут вдруг – БАЦ! Чего-то потемнело в глазах. И не только в глазах, даже в ушах (или так не говорят?) потемнело. Наступил патрилокальный²² матритрындец с элементами амбы и звиздеца великолепного.

Темнота... А потом вдруг вспыхнул свет.

Так я и оказался в сорок первом году...

²² Патрилокальный матриархат – термин из произведения Р. Хайнлайна «Гражданин галактики».

Глава III

«Привыкание»

25 июня 1941 года, где-то в Белоруссии, в полусотне километрах от границы с Польшей (второй день Там)

Что было утром, не знаю. Вроде и не спал, а окружающее под конец уже не отображал, как-то плыло все – и звук, и изображение. Так что глаза закрыл и не открывал, все равно от них толку нет, одна дезориентация. Хотел еще и уши пальцами заткнуть – не успел. А то был бы, как знаменитые три обезьянки, только в одном лице. В себя пришел гораздо позднее, когда меня кто-то стал тормошить:

– Товарищ старший лейтенант, товарищ Любимов, вставайте, они ж пристрелят! Вставайте уже!

– Что, где, какой старлей?

Открываю глаза... Ни хера себе-е-е-е-е-е-е!!!! Я валяюсь в пыли (как свинья, или кто там еще в пыли любит валяться?) на обочине дороги среди леса (ну как среди леса, дорога идет мимо леса). Поблизости вижу уныло передвигающую ногами от меня (тогда уж отодвигающуюся) колонну безоружных солдат с охраной вокруг. Аха! – значит – пленные. Некоторые вон вовсе без ремней, многие разуты, кое-кто без гимнастерок. А некоторые, наоборот, в шинелях. Многие грязными бинтами перемотаны. Но далеко не все. Больше таких,

что целехонькими выглядят. Хотя по форме видно, что РК-КА, тем более по бокам фашисты с Кар-98к идут. Да и по противной форме цвета «фельдграу», знакомой нам с детства (из фильмов о войне, конечно, слава богу, не из реальности!), узнаю главных врагов Союза до 1945 года. Смотрю на себя... И офигеть на фиг, не встать, я тоже в форме РККА! Я тоже, что ли, пленный? Меня пытается поднять белобрысый офицерик (командир?), похожий на накачавшегося Галыгина²³, правда, без галыгинских кудрей. Чем-то неуловимым, такой же, как мой покойный Тыгнырядно... Жаль пацана... Погодите, граждане и старушки! Какой такой Тыгнырядно? Откуда я знаю эту фамилию? И тут я все вспомнил! Так это что – многосерийный сон? Действие галлюциногенов не кончилось? Из комы не вышел?! Мать-мать-мать!.. Родите меня обратно!

Да уж!.. Бросило меня в дрожь, как цыпленка, которого лиса поймала и пытается употребить по назначению, а еще и с кетчупом, да с табаком (ваше-то сопленок табака это детеныш домашнего кузена фазана (или фазен кузана?) на блюде, табак – блюдо, *перс.* или *тюрк.*). Сорри за отступление, но какой бред в башке пробежал, тот и описываю, без изысканий. Так что получается, что цыпленок табака – цыпленок на блюде, вариант – под блюдом. Особо придиричивых могу также просветить, что люля-кебаб (или кабоб) – это мясо (или шашлык) в стиле люля, то есть – по-цыгански, а по

²³ Резидент «Камеди-клуб» на канале ТНТ.

смыслу – шашлык для бедных. И похоже, что этот самый кебаб из меня уже недавно кто-то сделать пытался, а так как фашисты – национал-социалисты (ну социалисты для бедных разумом), вот и из меня делать пытались кебаб-люля. Блин! Да что же это у меня с головой и что это с мыслями? Чего они так скажут-то?!

Ловлю себя на мысли, что этих самых мыслей у меня слишком много – беспорядочных и лишних (мало того, они не несут никакого смысла). Похоже, это моя бедная башка таким образом себя успокоить пытается. А что она бедная, легко догадаться по двум большим шишкам на ней, причем одна, которая побольше, покрыта кровяной коркой. Впрочем, не только шишка. В засохшей крови полголовы и треть морды. Кто ж меня так и за что?

Обращаюсь к единственному доступному источнику информации, «гуглю» ему:

– Слышь, братка, а седня день какой?

– Как какой, товарищ старший лейтенант? Двадцать пятое июня сегодня.

И тут меня словно снова по голове шарахнули! Все вспомнил. Совсем! Е-мое! – я ж теперь в сорок первом году, блин-ин! Я аж присел.

Может, пресс-конференция с белобрысым и продолжалась бы до скончания веков, но тут длинный очкастый фриц (ну, в очках таких круглых а ля брата Гриммлер²⁴), блин,

²⁴ Намек на Гиммлера, рейхсфюрера СС.

человек с ружьем в фельдграу (немец! По одеже, во всяком случае, точно не мордвин) подбегает и что-то лопочет на своем совсем-не-мордвинском:

– Штейт ауфф русише швайне! Форвард, шнеллер, лес-лес!

Эти команды и нажали на спусковой крючок моего бедного шибанутого разума. Я взорвался, не думая не только о последствиях, вообще ни о чем не думая:

– Да пошел ты, чмо очкастое! Я мутер твою шпили-вили! – разглагольствовал я, так и развалясь в пыли, обращаясь исключительно к этому быдлу очкасто-третьерейхному.

Очкорылый фашист (прямо Сноуден-клон какой-то!) лопочет куда-то в сторону кому-то и чего-то (стукач!). Я разбираю лишь «херр обер-фейнрих»²⁵, и думаю: «Вот-вот – «хер», и все вы немцы – херы!» На крик очкозавра (или моего персонального глюкозавра?) подбегает ко мне немчурбан-фюрер пошире, да с машиненпистоле-38 (или как там эта трясогузка называется) на грязной, уже успевшей обильно вспотеть, шее, передергивает затвор своей музейной коммунистобивалки да как польет в мой адрес оскорбления! Где ж ихняя европейская воспитанность и толерантность?

– Штейт ауфф, русише швайне!

– Их нихт русише швайне, их, вообще-то русише тигер. (Я родился в год Тигра.)

Я ж, идиот, все еще надеюсь (причем очень старательно),

²⁵ Унтер-офицерское звание в Вермахте.

что все-таки сплю я, а эти ископаемые скинхеды мне снятся, потому и продолжаю:

– Ты это, Хер Унтерофицер, шайсен на хрен!

Посмотрел на меня этот швайнштайгер... и раздалась короткая очередь... Убил, сцуко! Все, я опять умер! Реалистичный, бля, глюк: видел перед смертью, как с меня ошметки тряпок, кожи и мяса полетели! Умираю... «День сурка» продолжается.

И тут: бац! Перемотка...

– Товарищ старший лейтенант, товарищ Любимов, вставайте, они ж пристрелят, вставайте уже!..

Блин! Опять (или о-семь?) я валяюсь на пыльной обочине, рядом солдатик (блин, их тогда красноармейцами или бойцами называли!) в форме РККА. Хотя нет, он вроде офицер (то есть командир), пытается меня поднять, а я все еще валяюсь в пыли.

– Слышь, родной, ты кто? – спрашиваю я.

– Лейтенант Онищук, товарищ старший лейтенант. Вы что, меня не узнаете? Мы ж с одного погранотряда.

Все-таки не сон! Значит, все-таки круто я попал на войну²⁶, пора смириться с этим, то есть с «я попал». Значит, и тут: «Ты прости, мама, что я был такой упрямый!..», значит, и здесь я – пограничник, наяву-то (то есть – в реале) я служил в свое время в Московском погранотряде, в/ч 2033. Кста-

²⁶ Переделанная фраза из песни в шоу «Фабрика звезд» на ОРТ, в оригинале – «Круто ты попал на ТВ».

ти, про отряд наш фильм есть: «Тихая застава», который похож на действительность, как старая шлюшка, переспавшая со всеми, у кого встает, на огненную комсомолку, погибшую девственницей. То есть фильм лжив. Там типа вокруг все трусы и враги, а в части – сплошные небожители да белокурые бестии. Хрена вам, господа авторы! Ни хера там так не было, там и люди вокруг, и внутри в/ч были чище, добрее и дружнее. Да и солдаты в отряде в основном, наверное, процентов на восемьдесят были местные: таджики – до черта, узбеки – до хрена, русские (граждане Таджикистана которые) – две штуки (я и Санек с Кургана, с Курган-Тюбе то есть), татары – пять штук (один Равиль чего стоил!), ну и даже туркмены – две штуки, в довесок – казах-канабисолюб Нурлан... Чет-то опять отвлекся я...

О! А здесь снова очкастый юберменш, клон Сноудена, ко мне лезет:

– Штейт ауфф русише швайне! Форвард, шнеллер, лес-лес!

– Да пошел ты, чмо очкастое! Я муттер²⁷ твою шпили-вили, я grosмуттер²⁸ твою шпили-вили, да и не раз, да и не один, да и ваще: весь твой род, блядуче подзаборный, имел!

Говорю я, говорю все это, а потом меня осеняет: а чего это я повторяюсь? Надо по новой его обласкать, оригинальней надо быть (да что за тавтология-то, хрен-нахрен, где креа-

²⁷ Мать (нем.).

²⁸ Бабушка (нем.).

тив-то?).

Ну, и включив креатив, посылаю фрица к едрене-фене, почти «петровский загиб» воспроизвел. А этот хмырь опять стучит на меня унтеру. Ну и, конечно, опять подбегает унтер-офицер великогерманского рейху и тоже машет своим МП-38.

А меня понесло, покруче, чем Остапа:

– Да вы заипали, аналлисты-ананитики: русише швайне, русише швайне! Хошь, покажу, на чем я вас, с вашим Гитлером вертел? – лезу руками к ширинке, борзея вконец.

А немец попался упертый, как трактор, и: тара-рах – в меня вновь входят пули...

Темнота...

Опять убивают!.. Ну что за штампы: как пленный боец РККА послал куда подальше, сразу убивают, ублюдки! Нет, чтоб выслушать, а вдруг чо умное скажу, вдруг пошлю в какое симпатиШное место, вам же «лебенсraum»²⁹ нужен...

Перемотка...

– Товарищ старший лейтенант, товарищ Любимов, вставайте, они ж пристрелят, вставайте уже!..

Похоже, мой персональный «День сурка» продолжается. И вновь я валяюсь в пыли на обочине, в метрах пяти от меня вновь так же понуро начинает движение колонна пленных красноармейцев, а Онишук снова (для него-то – в первый

²⁹ Лебенсraum – жизненное пространство, теория, оправдывавшая захваты территории и план «Ост».

раз!) пытается меня поднять. Пилядовый дуварес, как говаривал Равшан (или Джумшуд?), да на хрена мне сдался этот долбаный «День сурка»! Чувствую, надо вставать и идти, куда гонят, а то опять убьют. Не, ну разве немцы не долборазы, за последние полчаса щас в третий раз убьют?! Видимо, это я все же попал в какую-то игру, и тут надо придерживаться сценария. В противном случае меня ожидает перемотка. А это очень больно...

И снова ко мне подбегает очкастый вермахтчанин (да чего это я сравнением Сноудена-то обидел? – Эдвард реальный не настолько плохой пацан, и мне уж точно ничего дурного не сделал). И пошли сразу опять грубость и унижение... Сцуко, в руках ружбайка, вот и геморройствует! Я б те очки-то в глотку бы вогнал, гадюк семибатьюшный!

– Штейт ауффф, русише швайне.

Ну, и опять ничего оригинального! А где ж немецкий креатив, типа: «дас ис фантастишь» и так далее? Ой, опять мои стукнутые мозги куда-то не тудыть понесло с дикой скоростью...

Так, пора включить мозг, ну свой межушный ганглий, видимо, я что-то делаю не так, и меня вскоре опять немножко убивают. Значит, надо делать все так, как надо. Только вот: а как понять, как надо?! Хотя, как начнут убивать, значит, снова ошибся, и надо исправляться. Логично? Логично! Ну, раз меня сюда забросило, надо попробовать побарахтаться.

Встаю, отряхиваюсь и громко отвечаю:

– Яволь, херр офицер.

У немца глаза стали ширше (или правильно говорить «ширее»?) евойных очков.

«Ну да! Хрен те офицером стать, легче одной жопой на Эверест залезть», – подумал я, вливаясь в колонну пленных.

Бредем... Минут через десять Онищук у меня спрашивает:

– Товарищ старший лейтенант, а вы откуда немецкий язык знаете?

А что я ему скажу? Что люблю фильмы про Великую Отечественную и по ним наблатыкался чуть-чуть по-оккупантски шпрехать?

Кстати! В далеком уже (блин! Со всех сторон далеком!) 2003-м я был гастарбайтером в России, в УрФО³⁰ (ну, надеюсь, всем понятно, что это вовсе не НЛО по-английски?). И там, в июне того самого 2003 года, мы вкалывали на каменоломне, гранит серый добывали, щоб новые русские всякие архитектурные прибабасы из дикого камня делали.

Ну, работаем с пацанами, прикалываемся, и я, как рулила, типа прикрикиваю на них, стебусь на великорейхском:

– Арбайтен, узбекише швайне!

– Шнеллер, алзо, цурюк, форвардс!

– Хенде хох, Гитлер капут, дойчен зольдатен унд офицерен...

³⁰ Уральский федеральный округ.

– Ди штрассе дер браунен батальонен...³¹

А в это время к горке, на которой мы камень ломаем, подходил один из сторожей каменоломни, старый дядя Петя, пожилой такой щирый хохол, но левобережный, Пітро короче.

А родился дядя Петя где-то в первой половине тридцатых прошлого века (плюс-минус пять лет, я паспорт у него не проверял) и все прелести оккупации на себе испытал. А дядька – еще тот осушитель, кстати! Ну, он осушает емкости со спиртом, это, видимо, его личный национальный дядьпетьский вид спорта. И нормативы есть. Утром – пол-литра спирта, в обед – та же доза, и вечером еще литрушка. А все напитки, что ниже 90 градусов (не Цельсия и даже не Кельвина, а чего-то другого – поядреней), для него что-то вроде капусты для каннибала или соляры комару.

Так вот дед Петро, заслышав мои фрицеподобные вопли на горке (а в лесу слышно далече, с горки-то), чуть штанишки свои не испортил (изнутри причем). Но в бега не ударился, а пошел домой за ружьем. Дедово восприятие действительности было усугублено тем, что я был в спецовке, которая раньше была вообще-то военной формой. Данную форму в виде гумпомощи нашей (таджикской) армии подарили то ли пакистанцы, то ли еще какие прототалибы. Ну, она, зараза, еще и цветом была похожа на фельдграу! Фасон, правда, не тот, но дядь Пете ведь от роду уже семьдесят-восемьдесят, да и в молодости его никто Зорким Глазом не звал,

³¹ Набор немецких слов и выражений (местами несвязный).

исключительно, видимо, бронебойной глоткой звали.

Вот и вернулся к горке дядя Петя с ружьем и очень недобрыми, кровожадными (но очень патриотичными) намерениями. Хорошо, что решил почти в упор оккупантов бить, чтоб наверняка. На свой последний бой дидусь всерьез настроился, патронов по карманам распихал, сколько влезло! Хорошо, что когда поближе подошел, то узнал меня. К тому времени кричать дурацкие шпрыхословья я уже перестал. Так что дедок только поматерился, сперва перебрав меня, мою родову, каждого немца (во веки веков!), ну и НАТО (туды же ее в качель!) добавил, напоследок очень нетолерантно обозвал правительство США. А потом рассказал о том, что с ним было и что он планировал. С утиной дробью на немцев попер, мазохист старый! Всего два патрона с картечью было. Да, были б там вермахты, они б из него быстро половичок сделали бы (ну или фотообой «Старый охотник», как вариант «Большевик-камикадзе») ... Хотя... одного-двух дед завалить бы успел, при удаче...

Всего этого я не сказал, конечно, Онищуку, а промолчал. Потом говорю:

– Онищук, звать-то ты как?

– Забыли, что ли, Петр же я, – отвечает он.

Еще один Петр, да и по фамилии тоже хохол, но это точно не тот.

– А ты не можешь, Петруха, меня в тему втянуть: что происходит? А то я ни разу не понимаю, что происходит, только

фамилию свою помню.

– Наверное, из-за того, что вас по голове прикладом немец ударил, вы временно память потеряли.

– Это вон то очкастое гребло меня вдарило?

– Нет, таащ старш лейнтант, тот, какой бил, ушел в голову колонны.

– Ну все, летехи краснопузые, конец вам и вашей красножопой власти! – заявил нам, некультурно прервав беседу двоих приличных людей, поравнявшийся с нами крепыш, очень похожий на телевидеокиллера Доренку³² времен телеубийства Лужкова. До того энтот типус вроде шел в следующей за нами шеренге.

– А чем мы или власть тебя обидели, хренобобр замусоленный? – спрашиваю интеллигентно у мордovorота.

– Пой, ласточка пой, пока есть время! Вот, как придем в лагерь, я начальству сразу ты покажу, выблядок коммунячий. И сделают из тебя немцы труп. Так что: допелись вы «варшавянок» с «интернационалами». Все! Амбец вам, краснюки, попомните вы слезы моих родаков! Вот такие же, как вы оба, их зимой в Котлас-город высылали, один тоже чернявый был, как ты, старлей, а второй хохолок – как ты, летеха. Вот я теперь...

Не, ребята! Как интеллигент и юрист, я такого проявления нетолерантности снести не мог. Потому незамедлительно приступил к защите своих общечеловеческих прав и цен-

³² Знаменитый журналист, как говорят, «топил» политиков по заказу.

ностей. А именно: с ходу двинул этого «доренку» сапогом в междуножие (тот и договорить не успел), синхронно Онищук (тоже, оказывается, правозащитник!) лупанул под дых и добавил правой в челюсть (а не трожь погранцов некультурными словами, верблядок!). Мордоворот отреагировал предсказуемо, то есть рухнул. Колонна идет дальше, почти по упавшему. И тут идущий в двух рядах за нами казах (а может, киргиз, ну, или бурят) добавляет тяжелым сапогом в висок предателю, приговаривая:

– Шишангды кутыга!³³

«Нет, все-таки киргиз, – думаю. – Молодец, сознательный киргиз!.. Правда, немного извращенец, но правозащитник знатный, не чета Сахаровым с Ковалевыми!»

«Доренка» удостаивается еще пары пинков от проходящих. «Ишь ты, какие у нас сознательные солдатики (блин! – бойцы же)!» – продолжаю думать я...

А тут еще и немецкий унтер нас порадовал, целых три патрона всадил в предателя, валявшегося в пыли, как говно в проруби, за то, что тот не встал по команде. А и как ему вставать-то было, он, наверное, без сознания был, а поднимать суку никто как-то не стремился. Но навсегда в моей голове застряло праздное любопытство, что же хотел еще сказать «feat-Доренко»? Договорить мы ему ж не дали. Да и хрен с ним! Собаке – собачья смерть, одним потенциальным влазовцем меньше.

³³ Мать твою в зад (киргизск.).

– Онищук, а еще командиры среди нас есть? Собери-ка командиров ко мне, нам срочно поговорить надо. Надо отсюда когти рвать, а то эти ивуАрийцы геноцидить станут, отвечаю за базар.

Онищук сначала от моих речей как-то поморщился (а чего я такого сказал-то?), затем принялся активно изображать реакцию Швондера, впервые увидевшего Шарикова³⁴, да еще Шарикова, который танцевал бы модный танец тектоник под аккомпанемент балалайки. Потом до меня дошло: блин, необходимо базар фильтровать! Надо бы малость мне прикусить свой безкостный инструмент. Или хотя бы сначала про себя проговаривать на предмет редакции.

Пытаюсь выразаться поприличнее:

– Ну это, надо нам из плена бежать, не то фашисты нас голодом заморят, а то и вообще пристрелят.

Постепенно ко мне стекаются шестеро офицеров (да блин же! Тогда ж еще командиры были!). Вообще-то удивительно, что фрицы рядовых от командиров не отделили. Или это у нас еще впереди, когда до какого-нибудь сортировочного хрен-лага доползем?

По петлицам определяю (вроде не ошибаюсь с этими кубиками-шпалами): два лейтенанта-танкиста, два летчика в том же звании (один оказался бомбером, другой – истребком, впрочем, это я уже позже узнал) и военфельдшер в компании с воентехником второго ранга. Чуть не прокололся:

³⁴ Персонажи повести М. А. Булгакова «Собачье сердце».

я ж собирался уже медика с техником лейтенантами обозвать. Хорошо, что они первыми представились. Блин! Я с этими спецзваниями еще накосячу! Кстати, охереть офигенно, но воентехник до жутиков похож на изрядно помолодевшего Сердюкова³⁵ (который «табуретоборонсервис»)!

Да... а старше меня (по званию) никого-то и нету! Это хорошо или плохо? Ладно, там разберемся, а пока: ша, Чебурашка скажет речь! – про то, зачем нас немцы строили-строили и построили:

– Товарищи командиры! Как вы думаете, куда нас ведут эти белобрысые говнохрены? Пardon, у меня два удара прикладом по голове да контузия, куда нас ведут фашисты?

– Да немцы говорили, в лагерь, будут там кормить и заботиться, а мы для них работать, – фантазирует военфельдшер, чем-то похожий на современное издание Чехова, даже почти пенсне (очки, конечно, но очень круглые и железные) в наличии.

– Увы, товарищи, вынужден вас огорчить, – говорю я, – нас заставят много и непосильно работать, при этом будут стрелять, убивать по малейшему поводу и без оногo и кормить гнилой брюквой. Ну, или как вариант – суп из картофельных очистков, причем налитый в ладони или в пилотку.

– Не может быть, товарищ старший лейтенант, ведь немцы – это европейская страна, это Гете, Гейне, Шиллер...³⁶ (из

³⁵ Экс-министр обороны России.

³⁶ Знакомить с этими людьми, я думаю, не надо.

медикуса опять интеллигентность поперла).

– Да, товарищ военфельдшер, конечно. Только скажите мне: а Шиллер евреев расстреливал только за национальную принадлежность? Или комиссаров за должность? А Гете колонны гражданских беженцев – стариков, женщин, детей – бомбил или расстреливал из авиапулеметов? Или, может, у детей кровь качал для нужд армии – до полного истощения? Вы забыли бомбардировки утра двадцать второго, разве Шиллер и Гете такое сотворили бы? Про Гейне я вообще помалкиваю, его нынешние самого бы убили, поскольку евреем был. Да и запрещен он в Германии теперь, за это самое.

– Нет, товарищ старший лейтенант, наверное, не мог так делать Шиллер, – отвечает военврач, тряся чеховской бородкой. – Неужели эти могут так? А куда германский пролетариат смотреть-то будет?

– Куда? Да в рот гитлерам да геббельсам с розенбергами, так что могут. Еще и не то могут, – отвечаю, – скоро сами убедитесь.

– Товарищ старший лейтенант, а откуда вы знаете про то, что творят с пленными немцы? – загоняет меня в угол логичным вопросом хренов медик.

– Так я в мопровском³⁷ журнале прочитал, там описывали, что немцы творили с польскими военнопленными в тридцать девятом, – ловко отбрехиваюсь я. А что вы думали, ад-

³⁷ Журнал, издаваемый МОПР. МОПР – Международная организация поддержки рабочих, созданная при поддержке СССР.

вокат же, для нас отбрехивание, как скальпель для хирурга.

Блин, что и как им сказать, чтобы они поверили, чтобы поняли?! Мопровский журнал, конечно, хорошая вещь, но... Хорошо, что хоть слушают пока. На крайняк буду давить тем, что у меня на «кубик» больше, да авторитетом «многознающего» НКВД. Все-таки они в основном НКО (Народный Комиссариат Обороны), а я пограничник, и погранвойска все-таки в ведении НКВД.

Тут к нам проталкивается солдатик-славянин (да помню я уже, что боец он, но про себя-то могу по привычке выражаться!), и говорит:

– Товарищ старший лейтенант, тут в голове колонны есть капитан-танкист, только он не хочет к вам.

– Ну, капитан так капитан, он званием постарше, пойду сам к нему. Ведите, товарищ боец.

Потихоньку, чтоб не привлечь своей активностью внимания конвоиров, проталкиваюсь вслед за солдатиком в голову колонны. Совершенно кстати, что немцы почти совсем забили на передвижения внутри колонны. Видимо, для них, уже отягощенных комплексом великого победителя, главное, чтобы из колонны не выходили и не останавливались.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан, старший лейтенант Любимов, Брестский погранотряд.

– К чему эти уставные игры, старлей, все – отвоевались! Крышка большевикам, а мы теперь – просто граждане, – отвечает мне высокий, чуток узкоплечий аристократичный

брюнет.

– Не понял, товарищ капитан, вы что? Вы что, серьезно думаете, что это конец Советской власти?.. – я даже растерялся немного. – Из-за неудач первых дней войны? Это же временно, капитан.

– Да, Любимов! Сам ведь видишь, что случилось с нашим «могучим ударом» и «малой кровью». Все! Приехали, туши свет!

– Ты что, капитан, думаешь, все, что проиграли мы войну и что пора лизать задний привод Германии?!

– Конечно, разве не видишь, все, крышка сесесеру. Так что готовься, старлей, в свободной демократической России жить.

– Капитан, ты что, решил, что немцы пришли просто для того, чтобы скинуть большевиков, а потом взять, да и отдать власть нам – русским? Особенно тебе, конечно! Да вот только – за что? Ты что, родной дядя Гитлера или личный массажист главной жирной задницы рейха – Геринга? Да на черта им это нужно! Им нужны ресурсы, территория, а люди лишь как рабы. Разве не слышал, как они нас унтерменшами называли? А это значит – недочеловек! Короче, капитан, мы собираемся бежать и воевать за свободу Родины и за товарища Сталина, а ты?

– Нет, я больше большевикам не прислужник, пошли они на... короче – далеко.

– Капитан, а присяга? Или ты из этих, ну из бывших или

из троцкистов каких-нибудь?

– Нет, я из рабочей семьи, и ни троцкистом, ни каким то другим – истом не был!

– Значит, ты капитаном стал благодаря большевикам и, несмотря на это, курнамакствуешь³⁸, ублюдок?

– А пошел ты, большевистская подстилка! Щас унтера кликну, и пристрелят тебя за милую душу.

Хреново, однако... Капитан-то говнист до передоза, да и похож речами на покойного «лже-Доренку». И как в нем столько удобрений-то помещается? Сука, на собраниях партию лизал, наверное, да всяко и бурно поддерживал политику партии и правительства. Выдаст! – как два пальца обо... как два пальца, скажем, облизать. Надо срочно что-то делать, а то на привале точно закозлит. Позорит он и РККА и бронетанковые силы наши, мочить его надо в сортире. Только где ж я тут на пыльной дороге сортир-то найду, товарищ Путин?³⁹ (ВВ который, ес-сно.)

Вернулся к нашим офицерам, которые вообще-то командиры, и говорю:

– Товарищи командиры, а капитан-то сукой оказался, отказывается от присяги, говорит, что большевикам конец. Грозился немцам наклеузничать, надо его мочить.

– Не понял, как это мочить и зачем?

– Ой, извините, товарищ военврач! Я говорю, убить его

³⁸ Курнамак – неблагодарный, дословно «слепая соль» с таджикского.

³⁹ Путин В. В. – Президент РФ, знаменит фразой о «замочке в сортире».

надо. Этот... очата об барад⁴⁰, какой он пример красноармейцам дает? Если каждый так будет думать и поступать, то нашей социалистической Родине точно конец придет.

Тут замолчали товарищи командиры, призадумались, повесили буйные головы из-за подлюки капитана. И я тоже задумался: попадем в лагерь, это все – кранты египетские, накроемся большой посудиною из цветных металлов, а умирать бесполезно и безропотно как-то не хочется. Даже если это сон или бред... Пусть умрем, но с собой хотя бы десяток фрицев захватим. Все ж РККА и партизанам потом легче хоть на капельку будет. Да и не в РОА же мне идти, совесть не даст (а, может, даст? Не, ну их нахрен, такие раздумья!).

Увлечшись, вдохновленный тем, что меня слушают и не перебивают, продолжаю:

– Так вот, господа офицеры, как только кину шухер, нападаем на немчуру и рвем копыта в лес, а там затихаримся и начнем щупать фашистов за яйца да вымя... – успеваю сказать я и чувствую, что допустил ошибку, и даже не ошибку, а целый их каскад. Первым, прямо в лицо, меня бьет Онищук, и даже медик лезет со своим сапогом мальчукового размера. При этом все кричат:

– Бей белогвардейскую гниду, бей савинковца (а кто это?), бей булак-балаховца.

Бьют минуты три (по моим субъективным ощущениям) и, подобно «Доренке», оставляют меня, порядком окровавлен-

⁴⁰ Да унесет твою мать вода (*тадж.*), – то же, что и «твою мать!» на русском.

ного, в пыли. Унтер, походя так, расстреливает меня из автомата, умираю. Обидно... Свои прибили...

Темнота.

Перемотка.

Я оцениваю себя и свою очередную смерть, так сказать, со стороны и делаю выводы: пора запомнить, что в то время были командиры, а за «офицера» могут дать и в рыло (если не хуже!), второй вывод – базар надо фильтровать, по фене командиры РККА и уж тем более НКВД не ботали (если только не в рамках спецзадания с внедрением)! Да и «господами» в то время кидаться не следовало. Немало «добра» белогвардейцы всякие, решив реставрировать «Расею» и прислуживая дефензивам с сигуранцами и прочим подобным контотрам, причинили советским людям. И все это было совсем недавно... Каждый второй – очевидец (если не каждый первый). И, значит, говорить надо так:

– Так вот, товарищи красные командиры, погостили в плену, пора нам и честь знать! Сами видите, охрана пока еще жидковатая. А приведут в лагерь – все, о побеге можно и забыть, и готовиться или к карьере предателя, или к стезе раба. Ну, или готовиться к встрече с предками.

– И что вы предлагаете, товарищ старший лейтенант? – спросил воентехник.

– Нападаем на охрану, их меньше. Убиваем их, получаем свободу, а там разберемся, как дальше быть. Ну что, товарищи, вперед?

Командиры кричат: «Нападаем на фашистов!» И пошло-поехало! Правда, больше половины красноармейцев так, по-моему, и не поняли, что же произошло. Но, увидев, как Онищук с летуном бросились на унтера, некоторые бойцы все осознали, помогли... А вскоре уже изрядная толпа ломанулась на охранников. Те тоже сначала растерялись, но уже буквально через пару секунд открыли огонь. Унтер успел расстрелять и Петруху и летчика, зато более десятка красноармейцев попросту раздавили его. Наверное, через минуту мы были свободны, только вот это нам стоило жизни больше чем трех десятков наших товарищей... А некоторые так и простояли на дороге в бездействии... То ли трусили, то ли растерялись, а то ли ждали, в чью пользу закончится...

Минут пять мы совещались с остальными командирами, что теперь робить и что делать с погибшими, не оставлять же на дороге. Потому решили собрать их документы (если они есть), переписать данные погибших и похоронить в братской могиле – в огромной воронке, что была неподалеку. Докончить начатое нам не дали. Увлеклись мы, в эйфории были и, видимо, так орали на радостях, что даже не слышали тархтение моторов. Может, и слышали, только мимо ушей пропустили как несущественное...

Фашистские мотоциклисты, ехавшие в авангарде колонны, быстро во всем разобрались, не растерялись, а с ходу ударили длиннющими очередями из пулеметов, установленных на люльках трехколесных машин. Наши бросились к лесу.

Только до того леса было не меньше ста метров. Попробуй, убеги от пяти синхронных пулеметных очередей, да по пересеченной местности, да когда стреляют с дистанции, для пулемета просто смешной... Лично я даже побегать не успел, оцепенел, да так и остался стоять, как навеки вкопанный столб, у воронки, в которую только начали стаскивать погибших.

А потоки свинца с мотоциклов меня каким-то чудом миновали. Или не чудом, просто более заманчивые цели были в избытке – те, кто убегал. Кстати, не один я на дороге остался. Только стоял, кажется, я один, остальные хоть на землю попадали. А за этой пятеркой мотоциклов ехало не меньше роты немцев. На своих тупоносых грузовиках. Колонна встала, солдаты из машин выпрыгивали, быстренько выстроились вдоль дороги в подобие цепи. Четко так, дисциплинированно. Офицеры бросили своих солдат на преследование бежавших из колонны. Против роты вооруженных фашистов сотня безоружных и голодных разве выстоит? В течение считанных минут все было кончено, по-моему, до леса из наших никто добежать так и не успел. А меня опять взяли в плен... Да что там – «Взяли»! – Просто подошли и потащили – сначала за шкуру, а потом просто подталкивая стволом карабина. Я ведь все это время так и простоял окаменелостью. Лотова жена, блин! Одушевленная библейская легенда! Только еще более тупая!

– Ты есть кто? Ты русиш офицер? Комиссар? – это меня

немецкий офицер спросил. А что, сам не видит?

Я все еще был в прострации, все еще в долбаном летаргическом сне! Опять косяк! И еще более страшный, чем с бедным Василием! Ведь это из-за меня погибли полторы сотни ребят, считай – пять взводов. Вот я сука! Вот я лох! Как теперь мне быть? Хотя...

– Да, я красный командир, я комиссар, я коммунист и я еврей, можете меня расстрелять!

– Ти не есть похож на юден...

– Да еврей я, еврей!.. Шолом-Алейхем⁴¹, Марк Шагал⁴², Дизраэли⁴³, Ротшильд⁴⁴, Маккаби⁴⁵, Бибрас Натхо⁴⁶. – Окончательно успокоившись, я стал насвистывать «Семь сорок», потом расстегнул ширинку и пописал на дорогу, пытаясь попасть в офицера.

– Ну что?! Еврей я?! Так что стреляйте, суки позорные, ваша взяла! Но помните, наши будут скоро в Берлине, а вашему поганому рейху, вместе с вашим чмошником фюрером, придет пиз...

Докончить свою речь я не успел. Мой план сработал, немец расстрелял в меня весь магазин своего «вальте-

⁴¹ Знаменитый еврейский писатель.

⁴² Знаменитый еврейский художник.

⁴³ Британский политик XIX века, еврей.

⁴⁴ Династия олигархов, евреи.

⁴⁵ Футбольный клуб из Израиля.

⁴⁶ Российский футболист из Израиля. Но по нации Натхо не еврей.

ра» (или что там у него было? – не разобрал). Причем первая пуля удачно так для немца попала мне в рот, выбивая зубы, разрывая язык. Так что закончить свое выступление я не успел (для адвоката – трагедия). Я снова умер... Я умер!.. Поделом мне!

Темнота. Перемотка...

Блин, ура! Снова стою в колонне военнопленных, и все ребята живы! А воентехник своим вопросом подтверждает реальность происходящего:

– И что вы предлагаете, товарищ старший лейтенант?

Я же готов обцеловать Прибылова, истребителя, бомбардировщика, Петруху, давешнего киргиза, короче – всех-всех! Даже пока еще живого немца-унтера.

Успокаиваюсь, собираюсь в кучу. Вновь держу речь:

– Товарищи, мы должны напасть на охрану, причем одновременно, и потом бежать, да побыстрее, с этого места.

– Вы старший по званию, товарищ старший лейтенант, вам и командовать, – говорит Онищук.

А я вспоминаю трупы в воронке, погибающих под пулеметными очередями красноармейцев, и немцев, расстреливающих бегущих к лесу безоружных...

– Подождем минут пятнадцать, товарищи, горячку пороть не надо, лучше уж наверняка.

И все так же, не спеша (а чего в неволю-то спешить?), идем. А я жду всей душой той немецкой колонны. Наконец-то эти твари проехали! Причем смотрели они на нас как

на пустое место. Ничего... Еще припомним вам это. И под Сталинградом, и на Кавказе, и в Белоруссии, и вплоть до гребаного Берлина... Ну, все, пора.

— Товарищи, пора, нападаем одновременно на всех конвоиров, сигнал — «Бей гадов!».. Все ясно?

Ребята кивками подтвердили. И... пришло время освобождения (окончательного ли?).

— Бей гадов! — кричу я срывающимся голосом, а сам бегу на унтера. Немец, видимо, впал в ступор, он жмет на спусковой крючок, но то ли предохранитель не снял (а он есть на немецком автомате?), то ли не дослал патрон в патронник. Короче: в прыжке влетаю сапогом немцу в грудную клетку, думаю, проломил грудину тварю (или твари?). Где-то рядом, за спиной, слышу выстрел, затем еще и еще.

На дороге крики, вопли, стоны умирающих (надеюсь, в большинстве — немцев), ну, и выстрелы тоже. Из всего происходящего вылавливаю какие-то отдельные картинки. Вот кто-то навалился на немца и остервенело лупит того по морде собственной же фрицевской каской — бесконечно, превращая человеческое лицо в кашу, в фарш, сам уже залитый кровью и какими-то ошметками. Кто-то бесконечно и страшно, на одной ноте воет... Вот рядом Онишук с колена стреляет в убегающего немца: раз! — промах, два! — промах! Вроде третья пуля, посланная Петром, валит немца, почти добжежавшего до деревьев. Упал, вскинув над головой руки, блеснув стеклами очков. Не добежал мой знакомый очкарик до

спасительного леса...

Тут до меня (и не только) доносится подозрительный скрежет и грохот, твою мать, танки. Оборачиваюсь, на нас несутся (сориентировались, твари) три легких немецких танка. Это которые с пулеметами вместо пушек. И снова пулеметные бесконечные трели... Да какие, на хрен, трели, треск! Будто рвут что-то. Треск очередей и моторы танковые грохочут, с каким-то подвыванием...

Твою ж мать!

Это что, я опять ребят под монастырь подвел?! Блин! Как исправлять-то?! Пытаюсь стрелять из унтеровского автомата по смотровым щелям переднего танка. Результата нет...

Вспоминаю, что вытащил у унтера еще и гранату. Бросаюсь на землю и ползу между тел навстречу этому проклятому танку. Между мной и немецким карликовым бронечудовищем было метров сорок, но он летит. Мне кажется, что именно летит, хотя понимаю, что на самом деле он довольно неторопливо ползет ко мне, и я ползу к нему. Все! Дистанция метров десять... Да где у этой хреновой колотушки кольцо, а?!

Два остальных танка, стреляя без остановки, торопятся к лесу, «мой» же танк идет ко мне. Да блин! Как же взорвать эту гранату?! Читал же про такие «толкушки»! И вспомнить не могу! Ну, нет у нее ни кольца, ни скобы никакой нет! Что делать?! Мать-мать-мать!!!

Танкистам (в отличие от меня) думать незачем. Они на

этой машинке уже раскатали в блин всю Европу! Что им я! Танк-то несерьезный! Маленький, пулеметный, броня картонная – я же все это знаю, читал не раз! Только нам здесь и такого много... Танк наплывает на меня как ужас во снах. Мне кажется, что я чувствую, как поскрипывает-постанывает белорусская дорога под тяжестью чуждого железа, перемалываемая в пыль безжалостными гусеницами. Танк наползает на меня, бью гранатой о танк. Граната молчит, ей, суке немецкой, по фигу мои мечты и страдания. Танк уже почему-то очень медленно заезжает на меня... Ну почему на ноги! Почему не на голову! Бо-о-ольно как!!! предыдущие смерти мои и рядом не стояли с этой болью! Когда же я уже содохну! Гусеница неторопливо наваливается мне на грудь, а я все еще жив и почему-то в сознании. Я же должен был уже отрубиться?! Слышу хруст собственных ребер и позвонков. Я еще успеваю почувствовать, как изо рта моего выдавливается огромный багровый пузырь. Что это? – кровь или и легкие тоже выдавились?..

Умираю... Наконец-то... Темнота...

Перемотка...

– И что вы предлагаете, товарищ старший лейтенант?

Блин, дорогой ты мой Прибылов, как же я люблю тебя и твою эту фразу! Знал бы ты!.. И хорошо, что не знаешь! А то бы придушил меня на этом самом месте.

– Минутку, товарищ Прибылов, дайте сообразить.

И начинаю думать. Значит, так... На немцев нападать на-

до одновременно на всех, так меньше будет жертв у нас. Дальше: скоро мимо поедет колонна мотопехоты, за ними, с небольшим интервалом, танки... Наша главная проблема это... это то, что мы вдали от леса, добежать проблематично. Значит: надо как-то оказаться к этому чертовому лесу ближе... А как? Дорога же хотя бы теоретически должна когда-нибудь подойти поближе к лесу, ну, или вообще пойти через лес, не все же полем идти? Здесь же никаких нормативов по расстояниям между дорогой и деревьями не было! Или были? Надеюсь, что не было... Иду я и думаю, прикидываю, планирую. Не хочу, чтобы ребята снова гибли. Нет, не так! – НЕ ХОЧУ!!! До сих пор перед глазами и то, как метались под пулеметами в первый раз, и как танк (пусть легкий, только не для человека!) накатывал на бегущую к лесу группку. И гусеницы в крови да с какими-то обрывками кишок. Вспоминаю свое бессилие, как я не мог гранату взорвать. Да и осознаю теперь: граната-то была противопехотная, ну, поцарапал бы я гусеницы или днище, и что? Вот дебил, а?!

Размышляю и прикидываю долго, проехала и мотопехота (те самые), проехали и треклятые танки, за тремя легкими, оказывается, идут танки и побольше, покрупней то есть (Т-3 или Т-4?). Вон они, горделиво катят, аж пятнадцать штук. Ну и пусть катят, я уже перестал горячку пороть, хватит. Оп-па! А дорога-то сужается и влево забирает! Таким вот образом, еще километр-полтора, и мы будем идти уже по краю леса –

это же шанс!

Все! Моя «минутка» закончилась, пора выдавать решение. Только бы еще раз не...

– Товарищи командиры, впереди видно сужение дороги и затем вроде поворот, там конвоиры вынуждены будут идти ближе к нам. Другого шанса может не быть. Так что, по моему сигналу бросаемся на конвоиров. И вообще, это приказ, а приказы НЕ ОБСУЖДАЮТСЯ! Надо только распределиться. Во-первых, вы, товарищ танкист (среднего роста, внешне смесь Мартиросяна Гарика⁴⁷ с Саакашвилией⁴⁸, вроде кавказоид), как ваша фамилия?

– Лейтенант Гогнидзе, бывший командир взвода БТ-7⁴⁹ тридцатой танковой дивизии четырнадцатого мехкорпуса.

– Ты, лейтенант, командуешь левой частью головы колонны. По сигналу бросаетесь на конвоиров и делаете из них сациви, ну или чахохбили (это если немцы – петухи, чахохбили-то из птицы делают). Пока дойдем до сужения дороги, подготовь бойцов, распределите «своих» конвоиров, чтоб не бросились на одного всем скопом, а то остальные вас перестреляют. Понятно, Гогнидзе?

– Понятно, товарищ старший лейтенант, разрешите исполнять?

– Давай, лейтенант, и чтоб ни одного конвоира до сере-

⁴⁷ Лидер «Камеди Клуб» – развлекательной телепередачи на ТНТ.

⁴⁸ Экс-президент Грузии, гурман, любит поедать галстуки.

⁴⁹ Легкий танк РККА, начального этапа ВОВ.

дины колонны с твоей стороны; а это, с первого по шестой конвоиры – слева от колонны. Ну все, иди.

Вдохновленный началом, я продолжил раздавать указания:

– Так... второй танкист (очень похож на «гламурного подонка», Пашу «Дождинку» Долю, но в форме РККА), как фамилия?

– Лейтенант Ивашин, командир... – Ивашин чуть замаялся, – бывший командир танка КВ-1⁵⁰, двадцать второй танковой дивизии четырнадцатого мехкорпуса.

– Хорошо, Ивашин, твоя задача такая же, как и у Гогнидзе, но твоя часть правая. И... Ивашин, у нас командиров и так мало, ты особо не лезь на рожон, твоя роль – командовать, понял?

– Все понял, товарищ старший лейтенант, разрешите исполнять?

– Давай, лейтенант. Надеюсь, мы вместе еще Берлин брать будем! И Гогнидзе, ну, этому джигиту с БТ-7 передай, чтоб на рожон не пер.

Так, кто у нас следующий? Ага! – летуны.

– А ваша фамилия как? – спрашиваю у первого летуна-блондина (летчики оба невысокие, но широковатые, чем-то похожие, только масти разной: один блондин с карими глазами, другой – шатен с зелеными).

⁵⁰ Тяжелый танк РККА.

– Лейтенант Кравцов, бывший командир СБ-2⁵¹, в плен взят прямо на аэродроме диверсантами врага!.. Спал я... Мы перед этим весь день пожары тушили, все равно ни одной машины целой не осталось, все разбомбили... Ну и сморило...

– У тебя задача, Кравцов, та же, но, как ты уже понял, на тебе шесть конвоиров слева сзади – с седьмого по двенадцатого. Как понял?

– Все понятно, товарищ старший лейтенант, разрешите выполнять?

– Давай, готовь красноармейцев, и распределите конвоиров.

– Ну а тебя как звают? – спрашиваю у шатена зеленоглазого (именно «звают», а не «зовут», те из читателей, кому лавры Потебни и Виноградова⁵² покоя не дают, успокойтесь, а меня в данный момент больше лавры Проппа или Кона привлекают).

– Летчик-истребитель, лейтенант Никифоров, сбит в воздушном бою (прикрывали бомбардировщиков) на И-16 вчера, 24 июня. Но три «Юнкерса» за два дня сбить успел, правда, второго – в тройке с комэском Бадягой и вторым ведомым – Лехой Званцевым.

– Молодец, еще полетаешь. А пока твои, значит, Никифо-

⁵¹ Один из бомбардировщиков, состоявших на вооружении в РККА («АНТ-40»).

⁵² Академики АН СССР, специальность – филология.

ров, шесть гансов справа сзади. Все, иди, и не надо переть сильно на рожон (повторяюсь я). Понятно?

– Ясно, товарищ старший лейтенант!

– Давай, летеха, дуй.

– Ну, товарищи военфельдшер и воентехник второго ранга, нам достается унтер (унтер в одиночестве брел за колонной, что-то жуя). Он опасней, видно, волчара (нет, лучше су-чара) тот еще, да и у него не карабин, а автомат, вмиг может человек двадцать переметить пулями. Военинженер, ты имитируешь поплошание здоровья, падаешь, военврач типа тебе помогает, потом подбегаю я, поравняемся с унтером, втроем нападаем на него, твоя обязанность, военврач, вцепиться в автомат и не дать ему выстрелить, а отнимешь его, то вообще дважды молодец. Кстати, как вас-то зовут, товарищи командиры?

– Военфельдшер Калиткин (а я думал – Чехов).

– Воентехник второго ранга Прибылов (совсем, блин, не СердюкоФФ, хотя он вроде уже представлялся).

– Все ясно, товарищи? Теперь пробегитесь по командам (танкистам и летчикам), передайте, что сигнал для нападения: мой крик – «Бей гадов!». (Блин, сразу забыл сказать людям!)

– А можно я с вами? – спрашивает у меня раскосый, невысокий, но широкоплечий человек (киргиз? казах? якут? бурят? – с уверенностью сказать могу, что не японец).

– А ты кто, боец?

– Сержант железнодорожного батальона НКВД, Выкван Эттувьевич Кузнецов (о, как обстоятельно-солидно представился!). Диверсантов мы вчера в лесу ловили, а я их за своих принял... Они в форме НКВД были, и документы вроде в порядке. Ну, обступили они меня и скрутили... Вот...

– Якут?

– Нет, товарищ командир, я чукча.

– Ну, раз сержант НКВД, то давай со мной.

Минут через пять моя сводная команда из двух погранцов, чукчи – железнодорожного энкавэдэшника (что за служба такая?!), воентехника и фельдшера доложила о том, что командиры и бойцы готовы и все в курсе про сигнал.

Тем временем, неспешно перебирая ногами и успешно пыля, мы уже подошли к многократно упоминаемому сужению (надеюсь, это освобождение из плена – окончательное), и я говорю военинженеру:

– Ну, держись и извини, щас те будет плохо, – бумс – ударил его под дых (подляво по полной, конечно, а вдруг он сыграл бы плохо, наши-то станиславские не скажут «не верю», а тупо постреляют), тут унтер хрен даст второй дубль сделать. – А вот теперь валяйся на здоровье, а ты, товарищ доктор, на исходную.

Инженер упал, воздуха ему, конечно, не хватало; я его на выдохе поймал. Колонна пошла дальше, а к пострадавшему подбежал наш медик. Калиткин стал старательно изображать видимость оказания медпомощи, ну, и я пошел к ним, типа

– «вставайте, товарищи», чукча активно изображает туповатого любопытного Варвара⁵³.

– Херр офицер, тут человеку плохо, очень нихтгутно.

Унтер подошел и, передергивая затвор, вглядывается в лицо воентехника... Вот он уже на расстоянии вытянутой ноги от меня, кричу:

– Бе-е-е-е-ей ГАДОВ!

И, с первым слогом, двигаю сапогом унтеру по яйкам. Во-енврач (молодец!) обеими руками схватился за автомат, а тут и военинженер пытается, размахнувшись сапогом снизу, шандарахнуть белокурую бестию по телу (тоже мне – рязанский брус ли!). Выдираю (то есть пытаюсь) у обоих (и у немца, и у врача) автомат, Калиткин пасть открыл и тупо смотрит, инженер грамотно держит руки немца, а чукча резким движением ломает немцу шею. Какой умелец, однако! (Да в курсе я, что настоящие чукчи «однако» не употребляют! так это ж не он сказал, а я. А мне можно, я анекдотов с этим «однако» столько наслушался, что по-другому уже про чукчей говорить не в состоянии.) Остальные бойцы убивают голыми руками конвоиров. Блеа-а-ать! – раздается все-таки несколько выстрелов. Пора и когти рвать. Надсаживаясь, ору:

– Товарищи бойцы, поднимаем раненых, убитых всех – и своих, и немцев, да бегом с дороги, в лес отбегаем метров на пятьсот-шестьсот и отдыхаем!

Вся толпа дружно ломанулась в лес, словно мигранты

⁵³ Переделанное выражение «Любопытной Варваре...».

(земляки мои) от инспекторов ФМС⁵⁴ России во время шаловливых наездов на несговорчивого работодателя (ну да: земляки-то мои, а не инспекторов, и их судьба фэмээсникам пофиг)...

Ну вот, сидим и лежим все, дышим как паровозы, немцы капитально добиты, часть погибла от асфиксии, часть от перелома шейных позвонков, большинство же от удара по черепу тупым твердым предметом (кто чо нашел, тем и херакнул), все двадцать четыре плюс унтер. У нас теперь двадцать четыре карабина, двенадцать гранат-толкушек немецких (почти как бейсбольные биты, блин!), один МП-40 (или 38 – хрен его знает, я не спец). А у нас: четверо убитых, трое легкораненых, и два тяжелых: один в грудь, другой в живот.

Фельдшер тяжелых в первую очередь осмотрел, подошел ко мне и шепчет на ухо:

- Обоих или срочно в госпиталь, или не жилыцы.
- Товарищ Калиткин, увы, но тут у нас поблизости госпиталя точно нет.
- Тогда – не жилыцы.
- Ну... облегчи им боль хоть как-то, а, военврач?
- Чем? Из лекарств у меня только руки да матюги.
- Ну да, ты прав. Прости, Калиткин. Что же нам с ними делать?
- Пусть лежат, добить у нас руки не поднимутся, сами

⁵⁴ Структура РФ, которая должна регулировать взаимоотношения мигрантов и РФ как страны-принимающей.

умрут. Один – через минут пять, а другой – через полчаса, – при этом у Калиткина даже дыхание не изменилось, врачи такие сукинистые люди, ни хера им не жаль нас, людей.

– Немцы, – выдыхает мне кто-то в спину, – моторы шумят, наверное, машины, на танки непохоже.

К собственному удивлению, реагирую мгновенно, тыча пальцем в ближайших бойцов (выбирать-то некогда, да и не знаю я никого пока):

– Ты, ты... Вы, пятеро: быстро надеть форму противника, и ко мне!

Хватит! Нашу колонну немцы уже истребляли раза три, или два? Короче, ворочаю мозгами по максимуму, надо в этот раз сберечь товарищей.

Итак, я уже переоделся. Рядом становится пятерка шустряков, ну, закономерно, что среди них как Онищук, так и наш друг – сознательный киргиз.

Выходим впятером к дороге, ну, как говорится, была не была, ни пуха ни пера, ни рог ни копыт, туды ее в качель. Немцы привыкли побеждать, да и чего им бояться в своем тылу, вот водила-германец тачку-то и притормозил, может, офицер ему приказал. Офицер тот дверцу открыл и шагнул на подножку, тут я чувствую, что что-то идет не так. У гитлеровца лицо как-то в напряге, да и пистолет в руке кагбе намекает. Смотрит немец на нас, переводит взгляд с меня, на Онищука, а с Петрухи на Мамбеткулова, блин Мамбеткулова!

Немец раз за разом стреляет, первым падает киргиз, затем Онищук и остальные, меня он ранит в плечо, сука, как больно. Падаю на задницу, хорошо сзади ствол какого-то деревца, потому я просто уселся, а не упал на спину.

Силуюсь раненой правой рукой достать пистолет, куда там, видимо, поврежден плечевой сустав, и почему я не левша? Наконец достал пистолет и из-под себя стреляю в ногу фашика, тот, падая, жмет на курок... Вот сука, нет что бы сразу убить, только третья пуля попадает мне в глаз. Темнота...

Перемотка.

Блин, проблема в бравом киргизе, он, конечно, мужик мировой, но внешность у него ни разу не арийская. Ни спереди, ни сзади. Из-за него гитлеровец и сполошился, из-за него и стала стрелять сука тефтонская. Представляю, что почувствовал немчик, их же Геббельс запугал азиатами. Можно понять/принять наличие азиата в Красной Армии, в китайской армии, в армии Японии, ну суверенного Таджикистана, наконец. У нас в Таджикистане и братья-киргизы есть, и узбеки катаган, или курама, тоже внешне монголоидны. Но вот в Вермахте... Нет! Ну, начнем по новой.

– Ты, ты... Вы, пятеро: быстро надеть форму противника, и ко мне!

А сержант-то, который гэбня, сам догадался, даже не рванулся переодеваться, как говорится, рожей в немца не вышел.

– Как ты звать? – спрашиваю у киргиза.

– Боец Болотбек Мамбеткулов.

– Спасибо, брат Болотбек, но поменяйся с кем-нибудь одеждой, а то ты какой-то ваще оригинальный немец получаешься⁵⁵, вот если б это был Халхин-Гол...

Болотбек понял и проникся, споренько разделся и отдал фрицевскую серую шкурку какому-то более немцеподобному товарищу, напялив обратно нашу родную РККА-шную хабэшку. А мы впятером потопали к дороге.

Придумывать что-то интересное было некогда, да и не спец я в таких делах. Тут даже то, что в книжках читал, из головы напрочь вылетело. Так что импровизация наша была довольно-таки дурацкой. Забегая вперед, могу сказать, что нам просто дико повезло: на еще больших лохов нарвались. Почти в традициях «Кавказской пленницы»⁵⁶ перегораживаем дорогу: тока нас не трое, а пятеро, и посредине не Вицин, а целый Онищук. На дороге в метрах ста от нас гремит «Опель-блиц». Вот машина подъезжает, а мы стоим, да так эффектно, что эсэсовцы в «Семнадцати мгновениях» обосцались бы от зависти. Красавчеги! Водила, видимо, охреневая с нас, таких красивых, тормозит, дверца со стороны пассажира открывается, и на дорогу вываливается немецкий офицер, который лопочет что-то нам (мат, конечно, на фатерландском, чего ж еще-то?). Я шагаю к нему, мигаю глазом Онищуку, скороговоркой приговариваю:

⁵⁵ Среди Вермахта в 1941-м монголоидов не было.

⁵⁶ Комедия Л. Гайдая.

– Петро, гранату в кузов! – и, выдохнув, бью офицера прикладом под дых, тот уходит в астрал, или в интервал, а может, и в полный интеграл.

Шоферу плохо видно, что происходит, мы же справа снизу, и он, открывая дверь, выходит из машины. За ним откуда-то появляется один из наших, здоровенный блондин, «белокурая бестия»⁵⁷ (правда – нос чуток горбатый), поднимает руки к голове немца, резкое движение, и все – на одного водилу в Вермахте меньше.

– Ложись! – кричу я всем. – Граната!

Вчетвером дружно валимся в гостеприимную пыль белорусской дороги.

И тут бабах!

Оперный театр!!! Не знаю, что такое взрывное везли фашисты в своей тачке, но нам мало не показалось, рядом кто-то с вологодским акцентом шепчет:

– Блеать, мины...

И вологодец прав, грузовик превратился в местный филиал Хиросимы, бабах – осколок попадает мне в висок, все, убит, снова.

Темнота...

Перемотка.

Твою мать, Петруха, значит, нам тут групповое самоубийство устроил, и виноват я... или он? Не важно, надо преду-

⁵⁷ Фраза из статьи Фридриха Ницше «К вопросу происхождения морали» («Zur Genealogie der Moral», 1887).

предить парня, на этот раз.

Придумывать что-то интересное было некогда, да и не спец я в таких делах. Тем более этот период уже пережили мы, потому продолжаем так же. Стоим на дороге, перекрывая проезжую часть, ну и машина подъезжает. Водила, видимо охренивая с нас, таких красивых, тормозит, дверца со стороны пассажира открывается, и на дорогу вываливается немецкий офицер, покрывая нас «швайнами»⁵⁸. Я шагаю к нему, мигаю глазом Онищуку, скороговоркой приговариваю:

– Петро, проконтролируй кузов. – И, выдохнув, бю офицера прикладом под дых, тот уходит в астрал, или в интервал, а может, и в полный интеграл.

Шоферу плохо видно, что происходит, мы же справа снизу, и он, открывая дверь, выходит из машины. За ним появляется наш горбоносый «белокурая бестия», поднимает руки к голове немца, резкое движение, и все – на одного водилу в Вермахте меньше.

Жду решений от Петрухи, ну и заранее готов к смерти, вдруг хохол зашмальнет-таки гранату в кузов, а там ай-яй-яй, то есть бабах. Но нет, пронесло, ой не меня, а ситуацию.

– Вставайте, тут пусто (про кузов), гранаты не будет. И вообще: хватит портить внешний вид, фи, какие вы грязнули, прямо Золушки! – хохочет Онищук.

– Трофей – в лес, – говорю я о машине, и горбоносый блондин (тот, что шоферу-немцу башку открутил, как алкаш

⁵⁸ Швайн – свинья (нем.).

бутылке крышку) заводит машину, грузовик трогается, поворачивает и медленно и бережно меж деревьями въезжает в лес.

Кстати: охренеть и трижды не встать, блондин-то оказывается – чеченец! Ага! – Лечи Вахаев; у него мать немка из Прибалтики, а Алхаст Вахаев – отец Лечи – воевал на Первой мировой войне, вольноопределяющимся ушел на фронт из Питерского университета, воевал сначала в составе Чеченского конного полка «Дикой дивизии»⁵⁹, а после ранения попал на Северо-Западный фронт, вот тогда, то ли в Курляндии, то ли в Лифляндии, он и встретил сестру милосердия Эльзу Пфайлер. Потом, в семнадцатом, Вахаев-старший стал большевиком, а сейчас занимает партийную должность где-то в Сибири, мать там же работает учительницей немецкого. В результате наш Лечи знает и русский, и чеченский, и немецкий. И все три языка для него родные. Фигею...

Кстати, в машине мы нашли: ящик с «ППШ»⁶⁰ (кто не в курсе – это цельных четыре штуки и восемь дисков к ним), четыре ящика с нашими же пистолетными патронами, два ящика тротила да три наших миномета, которые ротные 50-миллиметровые, с небольшим запасом мин. Видимо, это трофейщики, то есть были трофейщики. Данке шен, господа суперпуперменши! То есть эти вонючки, в мечтах своих –

⁵⁹ Кавалерийская часть армии Российской империи (состояла из горцев Кавказа).

⁶⁰ Пистолет-пулемет Шпагина, наиболее массовый ПП Второй мировой войны.

наши хозяева, пришедшие тут нами владеть, дали нам оружие, чтобы мы в ответку могли их иметь. Каламбур, мля. Немцы мазохисты! (Для докторов заклепкометрических наук, по поводу ППШ, они в Белоруссии быть на тот момент могли, и вообще – это все фантазии коматозника, не напрягайте мОзги, гугль и википедИю, расслабьтесь.)

Потом мы все, значицца, сидим, отдыхаем, а рядом с тем местом, где я сижу, стоит капитан иЮда (совсем не с Голливуда) и презрительно смотрит на меня, строя из себя прЫнцеску девственноплевроимеющую. Смотрю на него неприязненно, надо ж его сагитировать за Советскую власть и за родные осины-березы постоять, без него старший по званию получаюсь я, а я в жизни ничем больше отделения не командовал.

– Ну что, капитан, какие планы?

– Пойду к немцам, мне с вами не по пути, старлей-большевичок.

Онищук размахивается, и морально гнилая черепушка капитана знакомится с прикладом немецкого карабина. Все – одним иЮдой меньше, видимо, целостность свода основания черепа предателей особо не совместима с ударами винтовкой. Или у капитана просто аллергия была на приклады? Ну и в результате анафилактический шок, связанный с личной непереносимостью ударов прикладом, то ли десенсибилизация аллергена (медики, не ругаться, лучше поправьте) прекратила существование капитана в природе.

– Суке – сучья смерть, – резюмирую спокойно, глядя на то, как из плохого и говнистого капитана РККА Петруха одним ударом сотворил несколько десятков килограммов будущего добротного удобрения.

– Товарищ старший лейтенант, прошу простить меня, ну не выдержал я! А еще тут танкист один рассказывал: капитан-то этот всю роту «КВ-1» немцам сдал, остальные пытались бороться, хоть и без горючки были, а этот и новенькую «кавэ-шку» с полным БК отдал, и руки поднял. А еще, когда мы конвоиров мочили, он стоял рядом, презрительно смотрел на нас, еще и материл всех сталинскими подстилками. А еще к немцам собрался, зачем нам такой командир? Какой он командир? Предатель Родины и враг народа!

– По законам военного времени ты прав, Онищук, но этого выродка надо было перед строем расстрелять, чтоб от смерти его поиметь дивиденды в виде воспитательных целей. Ну, что случилось, то случилось. Зови командиров, и пусть красноармейцы строятся. (Хотя, может, за самоуправство Петьке надо было бы всыпать?)

Возбужденные победой, еще накачанные адреналином, командиры стали собираться вокруг меня. Блин! С чего начать-то? А, придумал:

– Объявляю благодарность за слаженные действия, товарищи красные командиры.

– Служу! – дружно так ответили, хоть и вполголоса.

Тут подбегает сержант НКВД (ну – который бравый чук-

ча!) и тараторит:

– Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант?

– Докладывай.

– Сводное подразделение из бывших пленных построено!

– Хорошо, но не из бывших пленных, брат Выкван, а из бойцов РККА! Всё, беги, сержант, к ребятам, то есть к красноармейцам... Ну что, товарищи красные командиры, пошли говорить с народом?

И мы всемером пошли к строю. При нашем приближении кто-то догадался подать команду:

– Смирно!

– Вольно! – отмахнул я рукой, не дожидаясь положенного доклада. Вместо этого, подойдя к бойцам, скомандовал:

– Младшие командиры, выйти из строя.

Из строя вышли одиннадцать разнообразных (ессно, по количеству треугольников в петлицах, а вы что подумали?) сержантов и один старшина (по сытой харе видно, на таких даже плен не так быстро действует).

– Остальные: по порядку рассчитайсь!

– Первый, второй, – и так до конца, всего оказалось у нас семь командиров (я – восьмой), одиннадцать человек сержантского состава, чуть больше двух сотен бойцов – гансо-мочил и, соответственно, отдельно – один старшина (мясистый фейс, вариант фейсистый мяс). А ниче, у Леонида Соболева батальон из четверых⁶¹ был, а у нас тут дивизия,

⁶¹ Рассказ Леонида Соболева «Батальон четверых».

ешкин кот, получается! Ох, и надерем фрицам обратную часть фасада!

– Пограничники, выйти из строя и построиться возле вот этого дерева.

И я указал на кривую осину. Из строя вышло два десятка погранцов, моих боевых братьев (пограничник пограничнику – всегда друг, брат и товарищ). А кто не верит – попробуйте докопаться до погранцов 28 мая, но сперва закажите койку в травматологии, да неограниченный кредит в аптеке возьмите. Причем не рекомендуется нас трогать от Находки до Кушки (город в Туркмении) и от Мурманска до Московского района (это тот, что на Таджикско-Афганской границе), кстати, он щас район имени Саида Али Хамадони⁶² называется (он вроде средневековый погранец, а может, и поэт вообще-то, ну или композитор).

Так... Продолжим нашу сортировку:

– Артиллеристы, минометчики и зенитчики – выйти из строя и построиться справа от пограничников.

Послушно еще полтора-два десятка адептов бога войны вышли из строя и выстроились за пограничниками. Ого-го, а этих пацанов я уважаю: как засандалят сюрприз килограмм на десять-двадцать, да из-за бугра, и все: сразу десятку-другому гансов срочно нотариусы с душеприказчиками понадобятся... Или нет, уже не понадобятся: для них гейм овер наступит, или тайм-аут, короче – оффсайдушко полный.

⁶² Один из классиков персидско-таджикской литературы XIV века.

А я совсем разошелся:

– Танкисты и прочие бронемеханики и просто водители, как экипажи, так и ремонтники и прочие подобные, выйти из строя и построиться по росту слева от пограничников.

Из строя так же вышли два десятка человек и послушно встали, где им было велено. Вот и ништяк, эта братва на войне тоже нелишняя, тоже могут одарить немчуру неизлечимым геморроем с трещинами ануса на всю Германию. А с автомобилистами тоже класс, не такси же здесь, в белорусском лесу, ждать.

– Саперы и связисты, выйти из строя и построиться напротив артиллерии!

И еще десяток человек покинули строй, чтобы тут же занять свое место. Связисты, наверное, пока нам ни к чему, а вот саперы – это очень гуд, это прямо вери вел. Скажем, они и мост построить могут (и наоборот – сломать очень профессионально), и какую-нибудь просеку (или засеку, или начеку, нет, «начеку» – из другой оперы) просечь, нет скорей прорубить правильной. Опять же, эти пацаны могут какого-нибудь весового гансовского авторитета оставить не только без яиц, но и яйца оставить без гансовского авторитета.

– Царица полей, пехота, братья пехотинцы, выйти из строя и построиться напротив.

И больше чем полсотни пехотных терминаторов вышли из строя и построились напротив пограничников, да и напротив танкистов тоже, так как пехтуры у нас оказалось, можно

сказать, целая полурота. Ну все, будет кому прикрыть наши будущие танки и артиллерию от грязных инСВИНуаций гитлеровской военщины. И будет немЫцам полный пизнес.

– А кто еще там остался, подойти ко мне и представиться.

Подошли три кавалериста, два санитары, повар и два энкавэдэшника⁶³ из железнодорожной охраны.

– Сержанты, разберитесь по своим войскам.

Оказалось, у нас два сержанта – танкисты, один – артиллерист-гаубичник (командир орудия, однако), один минометчик, два погранца и все остальные – пехтура. Ну и класс! – как говорится, всякой твари по паре.

Вот теперь можно и речь. А че? – аблакат я или где?

– Так, товарищи красноармейцы, прошу всех сесть; товарищи командиры и младшие командиры, так же прошу сесть и требую тишины. Итак... подлый враг убивает наших братьев, отцов, детей и матерей, насилует наших сестер, жен и подруг. И войска этих людоедов «высшей расы» стремятся в глубину нашей родины, причиняя горе и страдания всему нашему советскому народу. То, что мы попали в плен, не освобождает нас от присяги, от ответственности за наш народ и наших близких. **МЫ ОБЯЗАНЫ ЗАЩИЩАТЬ ИХ.** Мы, мужчины – издревле воины. Да и в плену мы все сдохли бы; от голода, издевательств и непосильного труда. Немцы такие суки, что мало того, что мучить будут трудом, еще и типа медицинские эксперименты ставить будут над пленными

⁶³ Народный Комиссариат Внутренних Дел.

ми. Умереть никогда не поздно, так давайте если и умрем, то с пользой для страны и народа. Хотя нет, не будем умирать, пусть германские ублюдки, пришедшие на нашу землю, тут и передохнут! И нам плевать, ради чего они будут тут умирать. Вон лежит труп бывшего капитана Рабоче-Крестьянской Красной Армии, его по моему приказу казнил лейтенант Онищук. Мы должны были расстрелять его перед строем, но лучше патроны на немцев потратим, да и шум из-за какого-то дерьма поднимать не хотелось, вокруг немцы. Капитан во время боев сдал роту «КВ» немцам, да и потом, то есть сегодня в колонне, призывал не бороться с немцами. Потому этот горе-танкист и умер от приклада, произведенного своими немецкими хозяевами... — я перевел дух. — Короче, приказ такой: теперь мы войсковая часть, и я командир этой части. Кстати, Прибылов, Калиткин, Вахаев, Онищук и все остальные: объявляю благодарность за отличную службу.

— Служим Советскому Союзу!⁶⁴

— Кто не хочет воевать, кто считает, что немцы — это хорошо, встаньте и отойдите влево от всех нас, — продолжаю я.

К моему облегчению, ни один человек не решился отойти от товарищей, не решился предать свою страну, народ и идеалы коммунизма. Хотя... кто-то, может, и постеснялся, особенно на бывшего капитана глянув... Ладно, там поглядим...

⁶⁴ В полном соответствии с Уставом ВС 1937 года, тогда уже отвечали именно так: «Служу Советскому Союзу!»

И я продолжил:

— Товарищи красноармейцы, с этого момента мы — отдельная партизанская рота. Товарищи танкисты, пока вы — пехота, но тут в окрестностях должно быть немало наших танков, которые или без боекомплекта, или без горючего, или поврежденные. Мы можем их ввести в бой и дать прикурить немцам, да так, чтобы опалить их поганые рожи — от бровей и до задниц. Товарищи артиллеристы, ну и минометчики, зенитчики, тут также много брошенных из-за отсутствия тяги, боекомплекта, или просто поврежденных орудий, мы их тоже соберем и введем в работу, выдавая немчуре на орехи. Но до нахождения и введения техники в строй мы все пока что побудем пехотой. Всеми танкистами, артиллерией и водителями пока что будет командовать лейтенант Гогнидзе. Его заместитель — лейтенант Ивашин.

Пограничники и другие, кто из НКВД, образуют отдельный взвод разведки. Все пехотные стрелки и кавалеристы делятся на два взвода, которые поступают под команду лейтенантов Никифорова и Кравцова. Товарищи сержанты, можете командирам.

Старшина Чумак назначается моим заместителем и по тылу, и по учету личного состава. Товарищ старшина, подберите себе еще двоих бойцов, один — повар, одного — в качестве писаря. Затем обойти личный состав, совместно с командирами взводов составить списки личного состава, обязательно учесть и собрать все имеющееся продовольствие. А также

наличие запасов мыла, бритв и прочих гигиенических принадлежностей. Разрешаю проводить досмотр личных вещей. Кроме того, через час жду вас с предложениями по решению продовольственной проблемы. Иначе мы без еды не больше двух дней продержимся. Большинство уже и так больше суток не ели.

Старшина хмуро откозырял и исчез из моего поля зрения. Не представляю, что бы я делал на его месте. У меня-то точно никаких ценных идей в запасе не оказалось, потому и свалил на чужую голову.

А я продолжил:

– Товарищи саперы, вы уже приступаете к работе. Ваш командир – воентехник второго ранга Прибылов. Он же пока командует связистами. Задача саперам: находить и снимать мины, фугасы, неразорвавшиеся мины, снаряды и авиабомбы. Выделять из состава боеприпасов взрывчатку, детонаторы и взрыватели. Будем готовить диверсии, пусть не только под пятками немцев горит земля, пусть даже подмышки и макушки немцев горят неугасимым огнем на нашей земле.

Я наконец-то добрался до представителей родного четырехбуквенного ведомства:

– Товарищи пограничники, да прочие сотрудники и бойцы НКВД, повторяю: теперь вы – разведзвод, ваш командир до особых распоряжений – лейтенант Онищук, а заместитель его – сержант Кузнецов. И запомните, я (скромно-то как!) должен впредь знать все, что творится вокруг. И ни-

каких оправданий типа погоды, немцев и свиного гриппа не приму... Онищук, что хотел?

– Товарищ старший лейтенант, какой такой свиной гриб, ну вы и придумаете. Гриб, да еще и свиной... Свинушки, что ли? А они при чем?

– Отставить, Онищук! Шутка это была. Так... Теперь: собрать все оружие сюда. Ревизию проводить будем.

Кроме захваченного в «Опель-блице», у нас оказалось двадцать четыре карабина, автомат МП и какой-то неопознанный мной пистолет, который я без смущения обозвал «парабеллумом» (оба последних гаджета от покойного унтера, пир его мраху, или мир его праху, хотя нет: хрен его праху, или даже хрен его наху, так лучше). Маловато будет. Хорошо, хоть еще в кузове блица ожидают меня минометы с ПППШ, тоже хотят поквитаться с гитлеровской ОПГ. С патронами было негусто, даже скудно. Конвоиры наши, сволочи, налегке шли, меньше чем по четыре обоймы на карабин вышло.

– Разведвзвод, все ко мне! Вооружиться, потом переодеться в немецкое, разделить на три группы и разведать все в радиусе трех-пяти километров. Выполнять! Онищук! – подбери старших в группы, ну, как в дозоре на границе, и: вперед ушли. Через час, максимум полтора, жду доклад. Без особых причин не стрелять. Кстати, пароль – Эгалите, отзыв – Фратерните (Ну, у меня и фантазия идиотская!).

– Все остальные, кроме танкистов, отдыхаем, Гогнидзе,

ты сегодня дежурный по части, расставишь посты, назначь смены и разводящих. Кроме того, не забывай, что ты с сего дня командир артиллерийско-танковой роты. Часовых берешь только из своих подчиненных, на чужих бойцов рот не разевай. Часовых вооружить карабинами, разводящим – «ППШ», а ты возьми себе эмпэшку, это теперь оружие дежурного командира. Посты ставить в радиусе около двухсот метров от лагеря. Товарищ военврач, возьмите санинструкторов, а их теперь у нас целых две штуки, вам поручение: взять себе все, у кого обнаружите, немецкие перевязочные средства, а также снять с немецкой падали белье, то, что почище – тоже располосовать на бинты и перевязать раненых. Лекарств нет, потому советую использовать мочу как антисептическое средство, ничего другого пока у нас нет, отказников расстреляем (пугаю я), нам тут гангренозники ни к чему. Грязное белье тоже не выбрасывать, пригодится на протирку оружия. Все – выполняем.

После ревизии имеющегося оружия я зажил себе пистолет с двумя запасными обоймами и кобурой, помялся-помялся немного, да и прихватизировал еще и «ППШ». И вот я, такой красивый, нацепил кобуру на себя, сверху «ППШ» навесил (он мне всегда нравился – «оружие победы») и решил поспать. Моя бы воля, я бы кожанку надел, еще б пулевыми лентами обвязался, да кубанку с красной ленточкой раздобыл, но чего нет, того нет.

Думаю отдохнуть, да не тут-то было. Явился по мою душу

еще более мрачный Чумак и доложил, что продуктов у нас нет. Вообще НЕТ! НИ-ЧЕ-ГО! Ни крошки. Да, е... перный театр! И чего я, кретин, думал?! Откуда у недавних пленных могут быть сидоры с харчами? Если и было что у фрицев, так с голодухи тут же схарчили, не дожидаясь моих мероприятий. И что делать будем? Сам, как вспомнил, что не знаю, когда последний раз жрал, чуть слюнями не подавился. И желудок, гад, тут же спазмами отозвался! Во всяком случае, после момента моего попадания я еще ничего не жевал. Ан нет, с Васькой Тыгнырядно фашистских консервов рубанули, так то прошлой ночью было.

И так херово, а тут еще старшина канючит, зар-р-раза:

– Та-ащ старший лейтенант! Я ж по хозяйству в жизни не занимался! Я ж оружейник. Да отпустите вы меня к этому... к Гогнидзе! Или к технику... Повара вместо меня поставьте, этого... Юткина. Он хоть что-то в этом соображает! Ну, товарищ старший лейтенант. И все равно жрать нечего, учитывать нечего. Ну, зачем я вам сдался...

И дальше в том же духе. Пока не рывкнул. Чумак сдулся и почти испарился. Почти, потому что остановил, чуть не за шкурку поймав, и послал его собирать командиров на совещание по продовольственному вопросу. Всех, включая сержантов.

Ну что тут сказать? Думали мы, думали... И ничего толком не надумали. Только душу растравили и еще больше жрать захотелось. В итоге порешили пошукать среди бой-

цов местных жителей да с утра отправлять «продотряды» по окрестностям побираться. Нам ведь даже платить за продукты нечем было. А местное население (это я из книг хорошо помнил) к Союзу совсем недавно присоединилось и вроде как в немалой части своей симпатий к советской власти в целом и к РККА в частности не особо питало.

Блин! Отчего в книжках всем попаданцам (и лицам, к ним присоединившимся) с харчами всегда везет? Неправильный я какой-то попаданец, нелегал, наверное, безвизовый, одно слово – гастарбайтер. Поэтому на учет высшими силами не взят и помощи не дождусь. А нефиг было из суверенного Таджикистана переноситься! И тут дискриминация. А еще скинхедов в фельдграу, как мух в хреновом общественном туалете типа «сортир» летом.

Тут вдобавок Прибылов вернулся, тоже на жизнь жаловаться начал. Мол, он в подрывном деле почти ни хрена не понимает, а что и знал, то забыл, и что он вообще из УР-овского осаба⁶⁵, строитель, и что среди его гавриков всего два настоящих специалиста в подрывном деле отыскалось, а остальные – строители, понтонеры и прочие... неминеры. И что, разумеется, поручать таким «специалистам» боеприпасы потрошить равно самоубийству... Короче – полная задница у нас в этом вопросе. Еле отбилсь, пообещав разобраться позже по ходу дела.

Да... а Чумака точно надо из хозяйственников убирать.

⁶⁵ Отдельный саперный батальон укрепрайона.

Обманула меня его широкая морда лица. Как оружейник он и нужнее, и полезнее. А кого ставить?

Потом приперся мрачный Калиткин и доложил, что оба тяжелых умерли. И смотрел так, словно я в этом виноват. Или мне это показалось? Сказал ему, что утром похороним.

Решил использовать по полной программе народную мудрость: «Ляжь, поспи, и все пройдет». Может, и чувство голода тоже? Хотя светло еще...

И снится нам не рокот космодрома...

Ну, не знаю, что мне снилось, не видел я снов.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

Спросонья вытаращился на Онищука (я что: спал во сне? Тогда: «масло масляное» венец поэзии, перл литературы, даже целый перл-харбор литературы):

– Да, Петро, говори?

– Разведка докладывает: в четырех километрах от нас к юго-западу – немцы-трофейщики⁶⁶, до взвода, барахлятся в разбитой колонне наших войск.

– Тревога! Поднимай всех, но помни: мы партизаны, поэтому – шепотом.

Ну вот, вроде как все же начинается типический перенос. Здравсте, я теперь попаданец! Только лучше попаданцем быть, чем впопудавцем (или убрать это слово, а то гомофобом обвинят?).

– Товарищи бойцы, сейчас все выходят и строятся! Ране-

⁶⁶ Часть армии, занимается сбором и сортировкой трофеев.

ные, медики, саперы и танкисты тут остаются. Просто не хочу рисковать вашими жизнями, каждый из вас чей-то брат, сын и отец, и должны жить, служить и даже погибать лучше по своей специальности. Вот и отдыхайте пока. Все равно оружия на всех нету. Нужна будет помощь – позовем... А! – танкисты, кто в карауле был: винтовки и автоматы передать пехоте! Хотя нет! Отставить! То есть пять штук оставьте здесь, на всякий случай.

Поразмыслив еще немного (ну не командир я, даже не сержант уже давно, а мирный адвокат! Потому и тяжело мне), решил «в набег на неразумных хазаров» взять не больше двух десятков, включая разведчиков. И оружия больше нет, и патронов маловато. Не посылать же народ в атаку по заветам будущих либерастов – с одним стволом на троих.

В результате взял с собой почти одних погранцов. Уже на ходу вспомнил, что надо бы и распланировать наши нападения. Что-то я совсем невоенным стал за минувшие со службы годы. Аж стыдно. Надеюсь, не покраснел, а если и покраснел, мне пофиг, чай, не поп-звезда.

– Онищук, показывай куда идти, а пока давай распланируем, как нападём. Сперва расскажи, что они конкретно там делают и какое у них местоположение. Причем давай в деталях.

– Два мотоцикла стоят, без водителей, только в колясках сидят за пулеметами, стерегут, остальные – человек двадцать собирают все необходимое и ценное с разбитой колонны.

Точно сосчитать не получилось. Укладывают в три грузовика, которые там стоят.

Так... Организовывать нападения меня и во время службы не учили... Буду импровизировать и надеяться, что немец пока в прибалдении от побед и оттого не особо осторожный. Ну, и тыловики там, скорее всего, чай, не «Бранденбург» же тут барахлится и не Отто Скорцени. Который, впрочем, тоже пока не диверсант, а «пиджак» в дивизии, осаждающей Брестскую крепость (помню, сильно удивился, когда про это у Р. Алиева прочитал!).

– Ну, ребятки, с богом, за Родину! – кричу я и начинаю стрелять по немцам.

Остальные ребятки не сразу, но начали стрелять, блин, я своим преждевременным выстрелом немца, конечно, завалял, но этим же выстрелом, видимо, предупредил врага. Ибо немцы сразу попадали, а из мотоциклов по нам вдарили очередями пулеметчики. И неплохо так вдарили, десять наших пали с разной тяжести ранениями. Пока мы приходили в себя от этих проклятущих очередей, немцы опомнились, ползком расхватали оружие и обернули нас из куля в рогожу (что это значит, я не знаю, но чувствую). Потом на звуки побоища прибыла фельджандармерия, и нас взяли в классическую вилку. Уже в который раз на моих глазах убили Онищука, а затем и Мамбеткулова. Ну и классика жанра, меня снова взяли в плен, сзади кто-то приложил прикладом, мало мне не показалось, да и много не показалось, мало того, ничего

не показалось. Было ощущение, что просто отключили свет, ну и звук сразу тоже.

Очнулся я позже, все конечности связаны, напротив немец стоит и пистолет мне в харю. Увидев, что я открыл глаза, фашист зовет своего офицера, тот приближается.

– Их нихт шпрехен ин дойч, ай донт спик ин инглиш, адер-стенд ферштейн зи дойче швайне? – говорю я, выражая свое мнение в отношении коллаборационизма.

Тот начинает что-то втирать на своем колбасниковском языке, а мне полкило. Я решил для себя, к немцам или в плен мне пути нет, не мое это.

– Киде находиться русиш офицерен, – спрашивает меня другой немец, видимо, толмач.

– Я есть русский офицер, и чо?

– Говорить с господин немецки официр культурно, а то ми тебя стреляйт, ферштейн зи?

– Плевать! Я вас на... короче я вас на утесе своем вертел, всосал? С врагами никакой культурности.

– Я плехо понимайт, говорит мне, где есть русиш генерален, гиде есть исчо русиш бандитен унд Роте армия?

– Слышь, гондуан, тебе что, не ясно? Стреляй на фиг, и давай побыстрее, у меня нет времени. Помни, Гитлер капут, но вообще не пасаран, Гарри Поттер и хай живе Радянська Украина, все, пошел в жопу.

Видимо, сильно я достал фашистов, ибо они молча стали готовить меня к повешению, через ветку березы перекинули

веревку и на конце сделали удавку. Ну, этим методом меня еще не убивали. Немцы готовили виселицу нарочито долго и театрально, ну я понял, что это психологическая пытка, а мне-то пофиг, мне того-то и надо. Жду и не шелохнусь.

– Ты очень смели зольдат, ти настоясчи зольдат, ми не хотет тебе повесить, потому говорит, где ваш штаб и где есть ваши зольдтен?

Я открыл рот, выразил свое мнение о Гитлере, о его матери, о Еве Браун, о матери толмача, о его жене, о жене офицера и о его матери. Дальше продолжать порноисторическое путешествие мне не дали, поставили ящики из-под чего-то. И это была моя Голгофа, возвели на нее меня, одели на шею петлю и выбили ящики на хрен. Уфф, наконец-то, заждался я уж.

Темнота...

Перемотка!

Тьфу ты, что за мазошоу? Но выбрался, слава богу, и с выводами, надо нам сразу рассредоточиться и стрелять всем вместе. И выбить к чертовой матери пулеметчиков на хрен, первым делом, даже без очереди, ну и суку офицера тоже. Сантименты к черту, лучший вражеский пулеметчик – дважды мертвый вражеский пулеметчик! И никаких гвоздей, саморезов, шурупов и т. д.

Значит, стратегию надо построить по-умному, потому начинаю с Петра:

– Значит, ведешь к мотоциклам, окружаем под прикры-

тием леса, первыми выстрелами надо снять пулеметчиков, потом ураганный огонь по всем. Товарищи, среди нас есть снайперы или просто меткие стрелки?

– Товарищ старший лейтенант, снайперов нет, но есть три охотника. Бойцы Севастьянов, Никодимов и Янушевский.

– Так, Янушевский, ты поляк, откуда? – задаю вопрос здоровенному погранцу с вислыми усами и кисловатым длинным лицом.

– Товарищ старший лейтенант, да, я поляк, Збигнев Янушевский, правда, и родился и вырос в окрестностях станции Даурия⁶⁷, с дедом охотились на пушного зверя.

– Тогда ты, Янушевский, берешь на себя одного пулеметчика на мотоцикле, ты, Севастьянов – второго. Твоя задача, Никодимов: сперва унтера, унтерье у немцев с автоматами шляются, а после автоматчика-офицера.

– Товарищ старший лейтенант, – говорит шепотом мне Онищук, – мы уже подходим.

И впрямь слышались далекие голоса и смех. Ну да, немцы еще не дефлорированные, наглые, потому и самоуверенные, как Митт Ромни⁶⁸ на первых теледебатах. Ниче, будет и на них Бардак Хуссейнович Обама⁶⁹. И я шепотом раздаю

⁶⁷ Местность в Забайкальском крае и одноименная станция.

⁶⁸ Лузер, представитель партии республиканцев, на выборах президента США проиграл Б. Обаме.

⁶⁹ Не лузер, представитель партии демократов, на выборах президента США обыграл М. Ромни, пока президент США.

последние указавки:

– Подползаем медленно-медленно, не шуметь. Они нас услышать не должны, услышат – погибнем. На лучшие позиции идут наши охотники, короче – сами места выбирайте. Остальные: распределить каждый своего немца, но огонь открывать только после охотников. Ну что, охотнички, вот и сезон открылся: на новых хреновопушных зверей породы «высшая раса». Приготовиться... Снайперы, начинаем по моему сигналу! Сигнал... как и прежде: «Бей гадов!» Пятиминутная готовность, приготовиться, прицелиться и дослать в стволы патроны.

Доползли без приключений... Расположились, то есть разлеглись...

А мне начинает нравиться воевать! Командовать-то я привык, часто приходилось руководить (но мелкими группами людей). Я часто замечал, что люди в экстрим-ситуации, не то что бы другими – собой командовать не могут. А у меня в «экстриме» все еще и обостряется. Вроде шас совсем не час самовосхвалений (тем более там, на дороге, когда на меня танк пер, я ж все-таки растерялся), а я расщедрился, как американцы на права человека (особливо в неудобных им странах). На фиг!

На проселке стоит разбитая и расстрелянная люфтвафлями колонна многострадальной РККА. Видимо, первым бомба повредила трехбашенного великана, что стоит впереди («Т-28» – и какой кретин пустил его в голове колонны?), и

колонна остановилась – впритык друг к дружке. Проселок-то узкий, и по краям деревья! Некуда нашим было деться, вот и бомбили-расстреливали потом спокойно, как на полигоне. Вокруг машин немчура – суетятся, барахольничают нашим казенным имуществом наркомата обороны и, как злокачественные муравьи, таскают все к своему ахвицеру. А тот стоя и молча руководит унтером, который сортирует-командует: что куда нести. Рядом с унтером какой-то фельдграуурод записывает, что куда покладено... Орднунг, епсти вашу за ногу!

Практически все немчурины как на ладони, и даже карабины у кого – за спиной на ремне, а у кого – и в сторонке стоят. Значит, секунды две-три безнаказного немцеубивания у нас есть. Ну:

– Бей гадов!

Практически одновременно поляк-таежник открывает дополнительное отверстие во лбу пулеметчика на левом мотоцикле, а Севастьянов делает точечный массаж сердца второму пулеметчику. Попаданием в какую часть тела унтера, стоящего у грузовика, того отправляет в осадок Никодимов, я не вижу, но тот падает, как курс доллара в 2008-м.

Ахвицер⁷⁰ поворачивается к нам лицом. Бум! – это Никодимов. Никодимов – немцы, счет 2:0. «Какая боль! Какая

⁷⁰ Буква Ф (и звук) для русского языка неестественны, это заимствованная буква, представители простонародья до XX века выговаривали букву (звук) Ф как дифтонг ХВ (Хведор).

боль!» – это я вам, фрицы, пою, хоть и мысленно. Цените, гады. Не, не оценят ведь, да и слух музыкальный у меня ниже уровня Мирового океана. Да и хрен с ними!

И тут же следом, мгновенно десятки маленьких злых и горячих пуль метят шельм, то есть убивают и ранят высокородные арийские тела, делая из белокурых бестий протодоброение и добычу медсанбатов (впрочем, в данном случае медсанбатов не будет!). Да, может, они и не виноваты, и не убили пока никого! Но это вам не тур по Золотому кольцу! Кто к нам с арбузом придет, тот от арбуза и погибнет. Так что приходите в следующий раз с кишмишем, например, или курагой, все же безопасней, чем арбузом по башке. Немцы отстреливаются, но благодаря второму выстрелу Никодимова немецкий лейтенант уже «пораскинул мозгами» по лесу, и без командира фашистам неуютно и тоскливо. Все реже и реже стреляют немцы. И в ответ на каждую вспышку выстрела со стороны немчушек летит по десятку свинцовых снарядов от арийского зазнайства. Еще минуты три; и две пока еще легкораненых (ниче, это исправимо, добьем) крыски (а разве нет, не крысы эти трофейщики-барахольщики?) поднимают свои загребушие лапки.

– Нихт шиссен, камераден, их бин коммунист.

Да, в таких случаях они и евреями назвать себя готовы, и даже бушменами, готтентотами и даже гамадрилами (причем в одном лице), и даже обрезание с радостью примут, житуха-то даже арийская сладка. И вот двух супергипермегаги-

гаменьшей ведут (и девочек ваших веду-у-ут в кабинет... – дурацкая строчка в мозгах у меня, не подумайте чего иного) Онищук сотоварищи ко мне. Остальные занимаются реституционным растрофеиванием с элементами эвтаназии (раненых немчурбалайфов добивают, туды их в качель).

Дело спорится, а грязные души арийских перечеловеков воспаряют к воротам ада, где их небесный фюрер – Сатана – с нетерпением ждет. Наконец бойцы собираются, и Онищук докладывает:

– Товарищ старший лейтенант, бой окончен, двадцать девять немцев убито и добито, двое пленных! У нас потеря личного состава нет, – Онищук просто цветет и пахнет, даже благоухает. – Ни единого, товарищ старший лейтенант, даже не ранен никто! Разрешите экспроприировать экспроприированное.

– Онищук, дай команду бойцам переносить все, что может нам пригодиться, и вообще, все, что можно унести, в немецкие машины. Кроме того, пошли двух бойцов к отряду, нам нужны три водителя и два мотоциклиста. Сейчас: четверых бойцов на охранение: к мотоциклам за пулеметы.

Я пошел к машинам с реэкспроприированным имуществом, потирая загребущие ручонки: то ни гроша, а тут бац! – и алтын...

Е-мое! Да тут и не алтын, тут иоакимсталлером пахнет (иоакимсталлер, ефимок – крупнейшая металлическая банкнота времен грошей и алтынов, ежели кто не в курсе, короче

доллар-евро тех времен).

Три пушки (сорокапятки, пушчонки вообще-то, да и бомбами побиты) с полуторками «ГАЗ-АА»⁷¹ в качестве тягла. У артиллеристов будет байрам огромных размеров! Или нет? Присматриваюсь поближе, ан нет, пушки раздолбаны авиацией. Байрам отменяется. А что тут в машинах? Так: пять ДП⁷² с дисками и один старый добрый «максимка», патроны в ящиках (держите меня, мне беспредельно хорошо!).

Ну все, немчирилы, ох и дадим мы вам прикурить-то! Поскольку у нас теперь целая машины жратвы: консервы, мука, крупы, масло, сахар, сухари и даже мясо (тушенка). Есть ДВА ящика мыла!!! (Вам не понять, какое это счастье в наших условиях.)

– Онищенко, отправь двоих к отряду, пускай все сюда бегут (едрит мадрид, лопухнулся! Онищук он вообще-то, а до знаменитого на весь подлунный мир борцуна с контрафактными продуктами Онищенко еще лет семьдесят ждать!).

Кстати, а где ж трупы наших бойцов с колонны? Скорее всего, немцы их в лес снесли, чтобы культурно потом забарахлиться.

Тут пришли шофера, а куда им ехать – не знаю. Не придумал. Ладно, пусть пока помогают барахло сортировать.

В двух машинах бензин был, оказывается. В бочках металлических. Это хорошо, горючка лишней не бывает. Из

⁷¹ Небольшой грузовик тех времен.

⁷² Дегтярев Пехотный, пулемет системы оружейника Дегтярева.

немецких машин – одна трехтонка «Опель-блиц», а вторая на 4,5 тонны MAN (под семь тонн). Живем!!!

Скоро подошли остальные, дело пошло быстрее, и уже через час мы подвели итог:

1. Штук пять советских грузовиков «ГАЗ-АА», «ГАЗ-ААА»⁷³, «ЗИС-5», «ЗИС-6» (но все расколошмаченные);
2. Полуторка, укомплектованная счетверенной зенитной установкой (на ходу).
3. Одна немецкая «Мерседес LG3000» с нашими сухпаями РККА, ДП, «маскимкой» и патронами (все любезно перегружено немчурой из наших разбитых грузовиков).
4. Два мотоцикла с люльками и двумя пулеметами МГ.
5. Немецкая тентованная машина «Опель-блиц», с «ППШ», патронами и с нашими ротными минометами и минами к ним (нет, это не здесь, это та, что мы отбили раньше, она в лесу нас ждет).
6. И еще грузовик со всяким милитари-имуществом РККА (тоже Жопель).
7. Бензоцистерна на базе «ЗИС-6» (с бензином, пусть не АИ-95, но на халяву и уксус – кускус⁷⁴).

Сорокапятки не берем, зачем нам пушки с погнутыми и посеченными стволами, чисто для красоты? Да и грузовики, что их тянули, очень попорчены люфтвафлями. Зато теперь

⁷³ Небольшой грузовик того времени, разницу между «ГАЗ-АА» и «ГАЗ-ААА», см в Википедии.

⁷⁴ Блюдо из одноименной крупы, овощей и мяса из Северо-Западной Африки.

у нас три Жопель-блица, «Мерседес» с прикольным названием LG-3000 (а почему не Samsung?), MAN, родной «ГАЗ-АА», не менее родной «ЗИС-6» и два гансобайка.

Подоспевший к разбору трофеев Чумак моему нежеланию взять пушки категорически воспротивился, пообещав, что две он точно в порядок приведет. Мол, даже прицелы целые, а ствол только у одной испорчен. Но ее, мол, тоже брать надо, на запчасти. Сквалыгу поддержали четверо артиллеристов. Согласился: не умею я со специалистами спорить.

В итоге наш плюс: две противотанковые почти годные пушки, к которым имеется 12 ящичков снарядов, одна пушка на запчасти, три миномета, пять пулеметов ДП, один «максимка» простой, один «максимка» «четыре в одном» (ага! – квадростановка для антигитлеровских дискотек!), «ППШ», ну, и фрицевские карабины Kar-98. Наш блицкриг начат, и потому он называется – «наш блицкриг», потому что у нас целых три машины обзываются блицами (хоть и Жопели при этом). Хотя тогда уж, для полного порядка, блицтриг (блиц-3 Г). Короче: ответим нашим *БЛИЦТРИГОМ* на немецкий *БЛИЦКРИГ!*

– Бойцы, срочно опустошаем все, что можем, и уходим на восток, из баков разбитых машин слить бензин, слитый бензин – в баки исправных, заполнить до отвала баки, и остальной бензин набрать в имеющиеся емкости, че не поместилось – разлить на фиг!

– Пулеметчики, ко мне! – собралось шесть человек. Е-

мое! – у нас-то восемь пулеметов!.. Ну, ниче: ДП попроще «максима», научим кого-нибудь.

– Кто умеет стрелять из немецкого МГ-34?⁷⁵ Шаг вперед!

Я! Я! Я! – выходят трое, умеющих шмалять из этого дойчландлюббераллеса. Сразу видно, что не простая пехота, по моему, у нас в НКВД оружие вероятного противника изучали.

– Вот ты и ты, поедете в люльках мотоциклов, чуть-что – стреляете на фиг, крошите в салат, в капусту, в зелень. Да, дозарядите там эти пулеметы! Всем: собрать униформу фрицев, она нам еще пригодится.

Вспомнил наше вечернее совещание по продовольственной проблеме:

– Кстати, есть кто местные? Желательно хорошо знающие округу.

– Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант. Ефрейтор Явтушевич. Я здесь неподалеку вырос.

– Как ты думаешь, где бы мы могли укрыться, устроить базу?

Явтушевич ненадолго завис, потом выдал:

– На дальнем хуторе колхоза, между луговинной и болотом, там пасека была, есть там и хата, и хлев с омшаником.

– А пасечник как – не выдаст?

– Не, дядька Стась – правильный мужик. Наш!

– Хорошо. Сядешь на передний мотоцикл, за водителем, и

⁷⁵ Ручной пулемет, состоял на вооружении Вермахта (и не только).

будешь ему показывать дорогу. Стой! – сначала иди, оденься в немецкое.

– Внимание! Все, кому не хватит формы немецкой и места в закрытых машинах, пойдут за нами. Без оружия. Будут изображать колонну военнопленных. Да, блин! Кто-то в немецкой форме должен будет типа конвоиров идти по бокам.

Через полчаса все уже были готовы, и я скомандовал отpravку. Немцев мы не похоронили, занесли их в лес, там они остались вместо погибших красноармейцев из колонны, ну, которых немцы перетаскали с разбитых машин. А некоторых еще и добили, собаки-леди. Наших-то мы прикопали чуток подальше, чтобы немцы могил не нашли.

Пришли к нам в страну владеть нами, в результате все голыми лежат в лесу и не владеют уже ничем.

Ну, и поехали, то есть тронулись. Едем, проехали где-то час-полтора, вдруг мотоциклисты наши останавливаются. Ну, и остальные тоже. Чо, ГАИ тормознуло?

Нет, на обочине машина стоит, наша полуторка. Наши дозорцы и тормознули, крысы, поживиться типа. Слезаю, подхожу, а это какой-то райком перевозился, потом, видимо, машина сломалась и ее оставили. А в машине – барахло всякое райкомовское, и портрет Сталина плюс знамя – вот это надо прихватить. Перенес я эти вещи (фу, язык не поворачивается сказать «вещи», но и насчет святынь мне, человеку двадцать первого века, тоже как-то некомфортно). Ну и ладно,

поехали.

В результате мы доехали (не все конечно, большинство топтали, играя понурых военнопленных) до места назначения.

Чтобы не напугать пасечника и из опасения, что на хуторе могут быть немцы, в гости к дядьке Стасю сначала отправился я, ну и Явтушевич, само собой.

Дядька действительно оказался неплохим мужиком. Для меня показателем стал его первый вопрос: «Раненых сколько? В хате поместятся? Им у сарая нельзя, застынут».

Вернулись к колонне, а потом уже всей дружной толпой заехали на хутор. Хорошо, что места для техники хватило. Ну, не во дворе, конечно, на лугу. Не откладывая, приказал замаскировать машины. Хрен его знает! – вдруг какая люфтвафля мимо пролетит. И ребята дружно проявили креатив, подогнали технику почти под деревья, ну и сверху ветвей накидали, свежеспорубленных.

По окончании работ по маскировке мы наскоро пообедали, и я скомандовал общее построение.

Повеселевшие (так поели же!) бойцы построились, и мы, то есть командиры, вышли поговорить с народом. Чебурашка, то есть я, вновь двинул речугу:

– Товарищи бойцы, идет война. Война серьезная и, как вы видите, кровопролитная. Поэтому мы должны воевать успешно, и за себя, и за того парня, который уже погиб из-за вероломства немцев и неумения, или даже нежелания некоторых наших граждан воевать. Я имею в виду таких, как ли-

бераст капитан, которого мы все запомнили как иуду, предателя своей Родины, своих друзей и родных. Вспомните финскую войну, комдива сорок четвертой стрелковой дивизии Виноградова: из-за его неумения воевать паршивые финны разгромили дивизию, а такие горе-командиры, оказывается, и сейчас есть, в чем мы и убедились.

Теперь у нас оружия хватит на всех, артиллеристы получили пушки и минометы, но так как пушки сломанные и почти без снарядов, потому артиллеристы наши временно, но поголовно теперь минометчики. Кроме тех, кто будет заниматься ремонтом орудий. Жаль, немчурилы нам минометов 82-миллиметровых не подкинули, а то б у нас еще и дальняя артиллерия была бы.

– Минометчики, выйти из строя!

Среди вышедших обнаружился один старший сержант (я-то про него забыл!). Уже лучше, уже веселее, как говорил Иосиф Виссарионович.

– Товарищ старший сержант, представьтесь!

Из строя выдвинулся... Барак Обама. Правда, белый. А так точь-в-точь, и лопоух так же качественно. Короче: негатив Обамы (или позитив – кому как).

– Старший сержант Артюхов! Правда, у меня трубы были чуток побольше, 120-мм полковыми орудовал. Но и на эти я согласен с радостью.

– Артюхов, так мы в лесу воевать будем, сечешь фишку, нам трубы большие пофиг, по Берлину шмалять нам не тре-

ба. — Артюхов сделал большие глаза, от моих тупых сленгизмов с украинизмами, но вроде «фишку усек».

— И ваще, товарищ старший сержант, теперь ты помощник командира зенитно-минометной батареи, командиром батареи назначается... — я чуток задумался, — лейтенант Гогнидзе. А танкисты остаются в подчинении лейтенанта Ивашина, то есть теперь Ивашин произведен в командиры танковой роты. Один «Опель-блиц»⁷⁶ и «ЗИС-5»⁷⁷ с водителями переходят в подчинение батареи. Катайтесь, пацаны, только трубами своими немчуру гасить по-черному. Зенитчики! Принять, осмотреть и приготовить к бою счетверенную зенитно-пулеметную установку. Вам, хлопцы, предстоит больше огонь по наземным целям, и ваще теперь этот девайс, аппарат то есть, обзовем «косилкой». Ну, и если раскрутимся до суперрейтинга, фашисты на нас крылатик⁷⁸ какой-нибудь пришлют. Тогда покажете летучкам гансовским, откуда сраки зимуют. Все! Артиллеристы свободны, идите, изучайте матчасть. Гогнидзе разработать совместно с Артюховым примерные варианты взаимодействия «косилки» и минометов. Для случаев нападения на немцев или наоборот, разработай четыре варианта. Первый — наше нападение на немецкую колонну, второй — нападение на населенный пункт, за-

⁷⁶ Грузовик производства Германии, использовался во Второй мировой Вермахтом.

⁷⁷ Советский грузовик, отличие от «ГАЗ-АА» — наличие трех осей.

⁷⁸ Самолет.

нятый немцами, третий – оборона нашей колонны при падении немцев, и оборона при падении на наш пункт дислокации. Все, вали выполнять. Товарищи! Всем остальным срочно организовать замаскированные шалаши для личного состава. Повара! Организовать упорядоченное питание личного состава. Котлы-кастрюли попросить у хозяина. Ответственный – военфельдшер Калиткин. (Чумака я уже от этого хозяйственного геморроя избавил.) Товарищ военврач! Определите нормы питания на сегодня-завтра с учетом имеющихся продуктов, а также того, что все долго голодали. А то позагибаемся с пережора.

Саперы и связисты, напоминаю, вы теперь отдельный саперный взвод партизанского отряда, вами командует воентехник второго ранга Прибылов. Товарищ Прибылов, твоя первая задача: показать всем, как грамотно оборудовать и замаскировать шалаши. А потом, после обеда, начинайте готовиться к диверсиям, к подкладке фугасов, взрыву мостов, разрушению железнодорожного полотна, минированию и т. д.

Этих недовыблядков надо так взрывать, чтоб их оторванные взрывом жопы товарищ Сталин из Кремля мог видеть. Посовещайтесь с опытными саперами, что и как, разберитесь с трофеями, там была и взрывчатка с детонаторами, пусть опытные обучают всех остальных, включая и связистов. Увы, пока нам связисты, как императору многоразовая зубочистка, а саперы нужны. И именно как подрывники. Ко-

мандирами отделений назначить опытных специалистов по минно-взрывному делу. У вас ведь их двое?! Вот и хорошо. Значит, будет два больших отделения. А по мере обучения перетасуем. Итак, отдельный взвод саперов, напра-во! Прибылов, принимай командование, и на постройку шалашей шагом марш!

– Ах да! Стой, Прибылов, еще надо тебе одно отделение спецразведки подготовить. И, стыкуясь с онищукотцами, находить места для твоих бум-ба-бахов, ну – диверсий. Скажем, мост, путепровод, эстакада (блин, а они тогда были?) или, скажем, на дороге зарыли фугас и ждете рыбку. Подплывает, то есть подъезжает толстая жирная рыбка, вы им бум-ба-бах колоссале, и драла-ла оттуда, пока у немчуры отходняк. Понял?

– Так точно, товарищ командир, разрешите выполнять?

– Давно пора.

О господи! Еще мазута бронетанковая осталась без ценных указаний!

– Братва железобетонная, пока у нас танков трохи нема, но мы их найдем! Тот танк, что был в колонне негоден, увы, из него танк теперь, как из муравья телескоп, поэтому пока ваша тема – это автомобили и мотоциклы. Всем изучить вождение мотоциклов, стрельбу из пулеметов, стоящих на мотоцикле. Ивашин, можешь своих отправить дороги и лес прошкобать, вдруг ролики-коробочки валяются, тьфу! – стоят где. Но желательно на поиск идти в форме Вермахта. По-

ставить задачу свободным от поиска построить шалаши для проживания, и само собой маскировать их. Прибылов вам покажет как надо. Да, командирами отделений назначь сержантов или старослужащих. Все, свободны, выполнять!

Займемся основной нашей ударной силой, пехотой-матушкой.

– Товарищи бойцы! На первый-второй рассчитайсь!

– Первый, второй. Первый, второй... расчет окончен!

– В две шеренги становись! Раз-два! Теперь запомнили: первая шеренга – первый взвод, вторая шеренга – второй взвод. Первый взвод – командир взвода лейтенант Кравцов, принять взвод, назначить отделенных. Второй взвод – командир лейтенант Никифоров, принять взвод, назначить отделенных. Первая задача: обеспечить личный состав шалашами! И в доме, и в сарае располагаются только раненые! Хозяин покажет. Вопросы есть? Вопросов нет. Выполнять!

Часа три спустя, после обеда (скорей ужина) не очень сытного и очень жиденького (но Калиткин сказал, что больше никак нельзя), я собрал во дворе младший командный состав пехоты с двумя летунами во главе.

– Товарищи младшие командиры, дело в том, что старших пехотных командиров у нас нет, есть только два летчика, поэтому помогите им с тактикой пехотных подразделений. Товарищи лейтенанты, вы теперь командиры пехоты РККА, и вам надо изучить у старослужащих и младших командиров методику действия пехотных взвода и роты. И не пережи-

вайте вы, не боги горшки обжигают, и не тока батьки мамок пихают.

Все, товарищи пехотинцы, свободны, исполнять.

Чуть позже вернулся к своим любимчикам – разведке:

– Товарищи бойцы и командиры разведвзвода! Слушай боевую задачу! Третий идет на разведку, остальные – в боевое охранение, подготовить секреты вокруг лагеря. Любые новости – срочно нарочный сюда в штаб, разведкой командует лейтенант Онищук, в боевое охранение командиром назначить надежного товарища.

– Предлагаю, товарищ старший лейтенант, в командиры охранения красноармейца Мамбеткулова, это тот, что в колонне предателя в висок пнул. Второй год служит уже, отличный пограничник, четыре задержания нарушителей на счету.

– А чо, парень нормальный, советский пацан, почему бы и нет? Принимается. Онищук, свободен! Мамбеткулов, ко мне! Мамбеткулов, проверь наличие у часовых патронов, исправность оружия, возьмите четыре ДП и соорудите замаскированные секреты. Не ближе двухсот метров от лагеря. Пусть часовые, если заметят проходящих к расположению немцев, сделают сдвоенный выстрел, это значит боевая тревога. И ни одна сука с фатерланда не должна проползти, проскочить, просочиться? Ферштейен зи?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, разрешите исполнять. – Мамбеткулов, среднего роста парень с раскосыми

глазами и чуть кривоватыми ногами (наверное, с детства на лошади... шучу), браво отдает честь, поднеся руку к пилотке.

– Иди, Мамбеткулов, выполняй. Остальные – отбой!

Все: первый осознанный, но сумбурный день моего пребывания в 1941 году наконец-то закончился.

Глава IV

«Засланцы из Абвера»

26 июня 1941 года, где-то в Белоруссии

Шалаш мне первому поставили. По здешним меркам – номер «люкс» получился. И потолок высокий – можно стоять, не сгибаясь в три погибели, и гостей принимать можно – шесть-семь, не считая меня, точно рассядутся. Даже вход тряпкой завесили – типа, дверь. И нары из ящиков (полных), лапником укрытых, да еще и сверху две немецких плащ-палатки наброшено, и стол из пары ящиков. Шик! Проснулся, сижу, задумался и тихо охерел, блин, я ж курильщик, а у меня ни сигарет, ни тяги к ним, едрить-мадрить, вылечился или как там, разохотилось. Зато, видимо, теперь я еще и бессмертный, как начинают меня убивать, я сразу начинаю «День сурка», это круче, чем «Каунтер страйк» какой-нибудь. Я бессмертный! – охренеть, упасть и не вставать во веки веков!

Ну, да ладно, я попаданец, я в 41-м году, но я ни фига не смогу внятно объяснить, ни про «АКМ», ни про танки современные и авиацию тоже. Абсолютно бесперспективный попадала. Меня к Сталину, Берии ну или на крайняк к Судоплатову фиг кто пустит, а и пустят, если обратно, или в дурдом отправят или из жалости расстреляют. Ни ноутбуков

у меня с набитыми жесткими дисками, ни порталов, ни даже завалявшегося «КВ-2».

Тут, как чертик из табакерки, ну или гаишник из-под кустов (в РФ гибэдэдэшник, в Таджикистане БДАшник, в Узбекистане ДАНщик и т. д.), появляется Онищук, вот черт настырный, опять чего-то надывбал. Пацан-то Петро беспокойный, еще тот альфа-самец, Берлускони⁷⁹ обзавидуется.

– Товарищ старший лейтенант, там окруженцы, пять человек, – говорит Онищук.

– Петро, води их сюда, щас разберемся, что к чему.

Парни наши привели окруженцев. Главный из них розовощекий, чуть выше среднего роста, крепенький такой, и на голове полубокс темно-русый, а еще, с виду, пребывающий в крайней степени хитропости (глазки так и бегают!), докладывает:

– Товарищ старший лейтенант, сводный отряд окруженцев построен, докладывал младший сержант Ковалев.

– Ну, давай Ковалев, свисти, кто ты, и так далее и тому подобное.

– Мы, товарищ старший лейтенант, остатки н-ской дивизии Западного фронта, 24 июня во время контрнаступления дивизия разбита, вот мы и пробираемся к своим.

– Ну, понятно, давайте документы, и пока всех в отдель-

⁷⁹ Сильвио Берлускони, итальянский олигарх, владеет ФК «Милан», несколько раз был премьер-министром Италии. Знаменит своими амурными похождениями.

ный шалаш и поставить охрану. Онищук, надо разобраться. Что за окруженцы такие?

Сижу, и опять тыква в думки влетела, что ж делать, я в истории, конечно, маракую. Но немного. Ну, знаю, что немчура шандарахнула по Красной Армии, и бедные предки, потеряв до хрена танков, боеприпасов, авиации, да и лично-го состава, откатывались от Вермахта, как пропивший зряплату дядька от жены, созданной в стиле «жесть». А я в истории ВОВ (особенно подробной) разбираюсь как католический монах в самогоноварении, ну или как самогонщик в мо-наховарении. Потому что проку ни хрена от моей беседы с руководителями СССР, инфы им от меня как от козла бак-сов. Да и ноутбука ни фига со мной нет, да трусов, скажем, из 21-го века, фигвам сплошной, у меня тело – и то не свое.

Подходит Онищук и с ходу начинает умничать:

– Товарищ старший лейтенант...

– Слышь, хватит, сам не устаешь каждый раз так долго меня обзывать? Давай просто, без политесов, чай, не на пла-цу, да и ситуация далека от устава РККА. Давай, Онищук, просто Виталий.

Разинутый рот Онищука был похож на Атлантический окиян.

– Политесы?

– Короче, называй меня Виталий, а то пока ты меня по моему званию длинному, как китайская стена, обзываешь, я успеваю забыть, кто ты. Понял?

– Хорошо, товарищ старш... ой, Виталий, ты зачем так с ребятами обошелся? Они и так помучились, повоевали, опять мучились в окружении, шли, а ты?

– Послушай, вот ты знаешь такое слово как «бдительность»?

– Да ладно, Виталий, свои они. Видно ведь.

– Так вот: насчет бдительности... Ты знаешь, у немцев есть такое подразделение «Бранденбург», причем целый полк.

– Ну и что? У них этих полков, как у Барбоски блох.

– Так этот полк – полк диверсантов, это раз. И они все говорят по-русски, причем очень хорошо. Они из прибалтийских немцев, из прибалтов, из белогвардейцев, ну и всякой другой шелупони, что знают русский язык. Так вот, одним из очень решающих факторов того, что немцы гонят нас, как участковый торговков, стал тот самый полк.

– И что, если немчура розмовляет по-нашему... хотя подожди, они что, в нашей форме диверсанты эти, по тылам вредят?

– Ну, ты не совсем дуб! Правильно, они мочат посыльных и любых одиночных бойцов и командиров, перерезают связь, начальство наше отстреливают и так далее. То есть нарушают целостность процесса руководства. Усек, Васек? Хотя нет, ты Петр.

– И ты думаешь, что это они? А как их поймать, врагов-то этих?

– Самый простой путь, дай свой документ, и давай сравним с документом Ковалева.

Открываем, и что? У Онищука скрепки чуть тронуты ржавчиной, а у Ковалева ни черта, как новенькие, а дата выдачи не больно-то отличается.

– Ну, чувствуешь разницу?

– Та що це таке! У них что: в документах скрепки из нержавеющей?

– Ну... Стой, это ж точно Хренденбурги, тащи, Петро, сюда этого «Ковалева», и побыстрей.

Да блин же! Что ж я так туплю-то?! Я ведь просто так перед Петром умничал! Надо же так! Сам пальцем в эти долбанные скрепки тычу, и до самого же не доходит, что это уже не теория, а самая распроклятая практика! Доумничал, кретин!

И тут же мы услышали несколько выстрелов где-то рядом. Опоздали! Вытаскиваю ствол, досылаю патрон, и мы с Петрухой бежим на звуки выстрелов. Подбегаем к шалашу, а там «окруженцы» завалили обоих часовых и сбежали. Один часовой еще жив, командую Онищуку, чтобы достали каждого засланца Абвера, сам склоняюсь к раненому. Тот мне хрипит, пуская кровавые пузыри:

– Они, твари, когда сидели в шалаше, один... то ли наступил другому на ногу, то ли еще чего не то сделал... И тот вроде как матюкнулся по-немецки... Сабуров хотел его вытащить... проверить... а тот Сабурова ножом, и эти наружу полезли... Ну, и я стал стрелять, а у них пистолеты... были...

В меня они стрельнули... – тут у бойца ртом пошла кровь, и он умер.

Пришлось мне побежать туда, где раздавались крики и выстрелы. Вот я лох! Нет, чтобы сразу эти ксивы проверить, Хвилософ гребаный, опять еще двое погибли из-за моей тупости!..

* * *

– Петро, ложись! Эта сука там где-то засела, стреляет справа, вон – Васильева убил.

– Хорошо, вы отсюда будете постреливать, я обойду его сзади, а где остальные немчары?

– Далеко, Виталий. То есть нема. Кончились. Этот только и остался.

– Ну, все, щас я его за жабры возьму, гниду эту германскую.

И я поскакал, как молодой стрекозел весной в поисках стрекозлицы, сучонок абверовский был занят Петрухой со товарищи, и я беспрепятственно бежал на звуки выстрелов. Блин, переусердствовал я со своим лосиным бегом, у гитлерюги чуйка, оказывается, как у матерого волчары, ну или слух как у осла. Учужал он меня и свалил первым же выстрелом, да прямо в сонную артерию попал, вот ведь тварь.

Темнота...

Перемотка.

Он меня убил, а я даже не понял, где он именно был, ну разве не лох я? Теперь уже крадучись иду, научен горьким опытом, на этот раз меня голой жо... голыми, короче, руками не возьмешь. Крался я долго, минут десять, может, двадцать, ну не засекал я. На этот раз меня подстрелил кто-то из своих, блин, аж три пули на меня не пожалели, да кучно как, все в живот. Теперь я знаю, что значит адская боль. Это когда пуля в живот, а когда их три? Лежал я полчаса, мог, конечно, прервать страдания свои, но вдруг самоубийство не награждается перемоткой? Ну, нет, рана у меня смертельная, а боль можно и вытерпеть, ужасно хочется пить. Еле переворачиваюсь на спину, опираюсь спиной на ближайшее дерево, открываю фляжку и хлебаю воду. Из побитого пулями живота та самая вода выливается обратно, боже, как же больно. Тут, видимо, силы покинули меня.

Темнота...

Перемотка, наконец!

Ну, все, думаю, достаточно смертей моих, пора ж умнеть, опыта набираться, да знаний с опытом. Потому обхожу место стрельбы кругом, и иду, стараясь не шуметь, нет, умирать мне не страшно, но вот больно же будет. Короче, лучше поберегусь. Иду как безмолвный призрак, ну во всяком случае, у меня ощущение такое. Иногда прячусь за деревьями, мало ли или немчик подстрелит, или свои, а мне оно надо? И тут меж деревьев вижу его, ну да, немец мой лежит под деревом и стреляет. У, ну, постреляй сучара тевтонская, постреляй

еще, сейчас магазин опустеет, и я тебе покажу, каким бывает полярный лисец (или песец?).

Жду как рыбак клёва, и вот щелкает магазин у гитлеровца, я прыжками несусь на него, и он не старается сменить магазин, а ждет меня, пригнувшись, последний прыжок, и я лечу на него. Но эта гнида успевает выпрямиться, вытаскивая при этом из-за сапога нож. Твою ж мать, как больно, ножом в живот, оказывается, больнее, чем тремя пулями. Фашист попал своим ножом мне прямо в печень, еще и повернул его, разрывая мне внутренности и особенно печень, я обречен.

В бессилии падаю, а этот нетопырь, нежить нацистская, еще прикрываясь мною, вытирает свой нож о мой китель, вот же гад. Потом фашист берет мое оружие и начинает стрелять в сторону Петрухи, а я, корчась от нестерпимой боли в животе, чувствую, что умираю. Гитлеровец видит, как я мучаюсь, знает, что я обречен, но просто наслаждается моими мучениями. Ничего. Я сейчас умру, потом мы с тобой, ублюдина, поговорим...

Темнота...

Перемотка!

Ну все, песец тебе, Абвер, я устал умирать, теперь твоя очередь. Потому я сначала отошел метров на двести вправо, потом пробежал еще метров сто и начал заходить за дивер-Сранта (с тыла). Пригнулся, конечно, чуть не на четвереньки встал. А то на пулю от своих можно нарваться (спасибо, получал уже). Я, конечно, бессмертный, но все равно больно.

А я ни разу не мазохист. Потом вообще пополз, все-таки диверсы брандергамбургеры, подготовочка у них, учует меня (два раза уже попался на эту удочку), и легким движением диверсантовой руки я превращусь в недоразумение. Ползу я и слышу, как немчик пуляет в наших, ну и наши в него – тоже. Подбираюсь все ближе. Уже и вижу его: вон, под деревом лежит. Убить его уже могу, но надо ж его живым брать. Расколоть его надо, как шелкунчик раскалывает гнилой орех, интересно ведь: кто такие и что им надо было. Не по нашу ведь душу по собственным тылам шляют. Явно, кого-то крупного вылавливают, да и отомстить треба, особенно за нож в печени. Подползаю метров на десять, практически не дышу, да и голову не поднимаю, к тому ж и наши в моем направлении нехило пуляют. Вот он, голубчик, за деревом лежит, у него «ППД»⁸⁰, сучара фашистская, видимо, у нашего бойца прихватил. Пистолька у меня уже с патроном в стволе, да и предохранялка давно откинута. Прицеливаюсь в правое плечо (почти лопатка). Бум, йес (или яволь?), попал! Рывок, подбегаю, он оборачивается и получает сапогом в челюсть – кайфуй, падла семибатушная! Тут же упал и рядом распластался: свои чуть не подбили!

Не приподнимаясь, воплю:

– Петруха, не стреляйте, я его взял!

Подбегают наши. А эта гнида лезет левой рукой к голенищу – ножичек там у него оказался (помню я этот ножик, пе-

⁸⁰ Пистолет-пулемет Дегтярева, был на вооружении РККА до «ППШ».

ченью помню)! Да кто ж тебе даст, несамец собаки, тем ножичком баловать второй раз! Давай лучше я пока тебе эксклюзивный горячий допрос покажу.

Бум! – пуля в левом предплечье.

– Ну, чо, сука госдеповская, колись, кто ты такой?

– Я – сержант Ковалев...

Окончания фразы не слушаю, неинтересно мне продолжение. Стреляю в правое бедро, боли полная жопа у «типа Ковалева». (А, может, он и вправду Ковалев, и вообще родственник известного правозащитника?) Этот урод делает зверски кислomолочную харю и скрипит сквозь зубки звероарийские:

– Я лейтенант Ульрих Хашке, перевяжите меня, и я вам обещаю достойный плен. И хорошее содержание в плену.

– А я старший лейтенант НКВД Любимов, и обещаю я тебе достойный хрен. Колись и миссию свою слей, а нет, так я тебя солью. Считаю до трех, потом стреляю.

– Воин Великой Германии не отступит перед славянскими унтерменшами.

Бум! – выстрел. Пуля входит в землю в опасной близости от яиц гондураса по имени Ульрих.

– А у тебя выхода нет. Так что – давай, отступи перед славянским унтерменшем – в виде исключения! Кстати, лейтенант, у вас в рейхе офицеры без яиц бывают? – спрашиваю я, доставая из голенища его же сапога его же нож (тот самый, тот самый), и потихоньку разрезаю брюки. И втыкаю (а чего

мне жалеть!) в ногу суперменша (скажете – юберменш, так я в школе английский изучал). Тот хрюкает, как недорезанный кабан (каковым он и является), что-то звиздит по-немецки.

– Шпрехен зи русиш, дойче швайне? – блещу я полиглотией. И с чувством морального удовлетворения слегка вонзаю нож в левое бедро Хуильриха (это тебе за печень, сука), да поближе к яйцам. Впечатлился... Слабоват оказался, даже ничего радикального не понадобилось. Заговорил, аж захлебывается от старания:

– Мы должны были внедриться к частям, выходящим из нашего окружения, а затем найти, чтобы взять в плен генерала. При невозможности пленения – уничтожить, но вывезти тело и документы.

– Какого генерала?

– По сведениям, полученным от перешедшего к нам сотрудника кобринского НКВД, где-то здесь, в лесу, среди окруженцев видели русского генерала. Фамилия ни ему, ни нам неизвестна.

– Где это бывший сотрудник НКВД?

– Был с нами. Наверное, уже убит.

– Спасибо, Хуильрих... и прощай. Земля наша тебе прахом – бум! Это вроде называется контрольным выстрелом. Или контрольный – немножко другое? Надо было, конечно, патрон на него не тратить. Но не могу я пока людей резать. Не научился еще.

Смотри-ка, какую фамилию выбрал себе гейропеец – Ко-

валев! А че не Новодворский? Или Нахренвальный, или Мудальцов. Наверно, еще МПГПП считает своей библией, после «Майн кампфа» и плана «Ост» (МПГПП, если кто не в курсах – Международный пакт о гражданских и политических правах – библия всяческих «демократов»).

– Онишук, позови бойцов, убитых соберите, раненых – к врачу. Потом Чапай речь скажет... Ну я то есть...

– Бойцы Красной Армии, подлые ублюдогерманцы, замаскировавшись под окруженцев, проникли к нам! Они увидели в последний раз в своей полной дерьма жизни кузькину мать, и им настал полный звиздец! Только вот эти сволочи ряженные убили шестерых наших ребят. А знаете почему? Потому что мы потеряли бдительность, у Гитлера – главного недоноски германской нации, есть такой полк: «Бранденбург» называется. В него собраны русскоязычные ублюдки всей Европы, они берут к себе и тех бывших советских граждан, кто решил предать присягу и Родину. И у всей этой мрази одна цель: помочь своим хозяевам сделать нас своими рабами. Немцы считают, что все народы СССР – это люди второго сорта, и предназначение у нас – стать их рабами. И это про нас, которые с букваря начинали твердить: «Рабы не мы, мы не рабы!» (Ох, вовремя я эту фишку с букварем вспомнил! Еще в детстве в «Сыне полка» вычитал – пригодилось!) Короче: впредь – абсолютная бдительность! Каждый, кого мы принимаем, должен пройти проверку, никому доверия, пусть даже у него документы и внешность Буденного, Тимо-

шенко, Ворошилова или даже самого Берии.

Бойцов похоронить, немцев просто прирыть как бешеных сук, а то вонять начнут.

Потом Онищук со своими орлами ушел порыскать в лесу и окрестностях. Ведь до чертовой хрени всякого имущества РККА валяется сейчас на территории, захваченной фрицами.

...Сижу, учусь разбирать «ППШ», мало ли, в бою пригодится, я-то с «АК-74» служил. Ну, и другие творения великого Михаила Тимофеевича в руках, разумеется, держал. А «ППШ» – это, братцы, вам совсем не «калашников»! Блин, намудрили-перемудрили! Я про муторное заряджение диска ваще помалкиваю! Руководство по автомату в ящике было (так бы вообще пипец!), но такое мутное! Или я такой тупой от привычки к более высокотехнологичным гаджетам. Короче, долго мне пришлось помучицца! Но, как известно, если долго мучиться, то что-нибудь получится. В результате я сделал тупо непрофессиональную неполную разборку-сборку плюс смазку «ППШ». Точнее, кое-как стер лишнюю заводскую смазку. Попутно выяснив еще одну нашу проблему: ветоши для чистки оружия у нас тоже практически нету.

Потом пред мои ясные очи откуда-то выявился наш старшина, нет, не настоящий старшина, а тот, кого мы взамен старшины-оружейника назначили – то бишь боец (и повар) Юткин (кстати, он один в один с этим как его там, ну который «Бабахов плюс» (ну, очень нетрадиционный дохтур

с зомбоящика, только у нашего морда чуток потоньше), и пригласил кушать, типа: жрать подано. Жрать подали то, что экспроприировали у немчурбанов. Конечно, не шикарный дастархан, но жить можно. Чай, не курорт санаторного типа – война.

Не успел толком поесть, как появился Онищук: как всегда сумбурно и, как известие о трипаке, не очень радостно. Доложил мне наш разведхохол такие вот новостя:

– Товарищ старш... ой, товарищ Виталий, в трех километрах отсюда, на опушке леса нами обнаружены пять БА-10 и три БТ-7. Машины вместе с экипажами, окруженцы. У них бензин на донышке, а у кого и вообще пусто. Когда мы подошли, они там как раз пытались разоружить свою технику, чтоб уходить налегке. Мы помешали, сказали, что у нас-то бензина как у рыб водички, поделимся.

– Молодцы!.. Петруччо, а ты уверен, что это не вражьи засланцы?

– Та не-е, – Онищук благодушно ощерился, – то наши хлопцы, советские! Я и документы у всех проверил. Все, как ты показывал. Так у всех скрепки хоть чуток, да и тронуты ржавчиной. Да и помятые все, оборванные, и раненые у них. Те-то все гладкие были, сытые... Да! Я ж вот и старшего их сюда привел. Старший лейтенант... Абдаев, что ли... или Абдиев.

– Ну-ка, давай его сюда! – Онищук выскочил и мгновенно залетел обратно с казахом в форме бронетанкового стар-

лея. Что-то у меня на лица постоянные ассоциации с современниками идут! Тот старлей – точь-в-точь Сангаджи из команды РУДН, только этот слегка пошире в кости, ростом пониже и помедленнее в движениях. Зато с таким же дерзким, слегка насмешливым взглядом. Прямо мне: Батый-2.0, ну или Чингисхан 3.0 (это если Батыя считать Чингисханом 2.0).

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант! Старший лейтенант Абдиев Ержан, командир роты бронев автомобилей отдельного разведывательного батальона тридцатой танковой дивизии четырнадцатого мехкорпуса. Командую остатками батальона, остальные командиры пропали вместе с машинами во время боя, – старлей вздохнул. – Может, отстали, может, погибли, у меня информации нету. Последний приказ был: нанести фланговый удар по наступающему противнику... Там такое... Шайтанлар... Отойти нам пришлось, не получилось никакого удара: расстреляли наши танки и броневики, как в тире... на засаду нарвались... И вот... мы остались, потому что наши машины позади танков шли, а танкистов совсем мало вышло, старшим у них лейтенант Нечипоренко, он в нашем батальоне командиром взвода был. Бензин у нас на исходе, и мы вынуждены, разоружив, бросить технику, чтобы дальше пробиваться к своим пешком, тем более и патронов осталось по ленте на пулемет и снарядов по три-четыре на орудие.

– Абдиев, мы можем помочь бензином, но есть одно «но».

К своим тебе сейчас не пробиться. Потому как немцы верблюдочные наши войска очень далеко отодвинули. Так что предлагаю тебе тут, на месте, врага бить.

Не давая танкисту возразить, продолжил уговоры:

– Сам подумай, тут мы принесем больше прибыли, тьфу, то есть пользы, с вашей техникой порвем железку, разлохматим мосты, немчуре неоткуда будет ждать припасов. И нашим на фронте легче станет, быстрее фрица назад погонят. Попробуем стать бронированной занозой в заднице немцев! Ведь у нас для этого все есть: оружие, транспорт, бензин, теперь даже танкисты и броневики. Чуешь, мы тут немцам такой филиал ада устроим! И боеприпасов хватает.

– Есть, командир, трохи маем, – не вовремя подвывает жмотистый Петриньо.

– Ничё, тут еще поиск устроим, отыщем малость там, малость там, что-то у немчуры отобьем. Есть наши разбитые колонны, есть даже брошенные склады. Короче, если ты решил уходить, я никого не держу, у нас найдутся экипажи для ваших железок, но если хотите воевать, а не шлаться по лесам и весям, то милости просим.

– Хорошо, командир, дай потолковать с аскерами.

– Ну, толкуй, только толковище толковать долго не толково (Господа читатели, расслабьтесь, це була преднамеренная тавтология). У тя полчаса на все про все. Идет?

– Идет! – Абдиев развернулся к выходу.

Я, спохватившись, окликнул:

– Постой, лейтенант! Ты откуда родом будешь?

Абдиев обернулся:

– Я-то? С Усть-Камы... Из Усть-Каменогорска то есть, это в Казахстане.

– А-а-а. Понял. Ну, дуй до своих.

Стало быть, не ошибся я, точно – казах.

Онищук с ним вместе вышел, вскоре вернулся, спрашивает:

– Ну что, командир, как они тебе показались?

– Да, что-то говорить пока рано, вот всех сюда пригонят, там видно будет. И ваще: слухай сюды, Петро, как придут железноногие, то есть колесоголовые, тьфу, бронебокие, надо их фильтрануть, разоружить и по одному проверить, что да как, ну и так далее, усек?

– Само собой, командир.

Эх, сейчас бы выскочить из шалаша, шмальнуть в воздух из «маузера», да заорать: «Тихо, командир думать будет!» Не, не поймут бойцы такую пародию на Чапая... И шуметь нельзя лишний раз... И пистолета такого у меня нету... Так что просто тихо сию и думаю, чем бы еще в анусе у немцев глобально поворошить? Чтoб у гитлерят свербило в прямой кишке, как от наждака. По книжкам знаю, что вроде нужна будет «рельсовая война», да и всякая «дорожная война» лишней не будет. Хорошо бы из наших мостов понаделать немцам трамплины для прямых прыжков в ад! Если получится – неплохая помощь РККА считай что обеспечена. А

что для этого надо? А надо нам раздобыть карты дорог и мостов. «Атлас автомобильных дорог СССР» тут пока ни разу не выпускали. Да и читал я, что у нашей армии тогда с картами было плоховато. Но у мазуты-то бронированной всяко должны быть карты! Ну, хоть какие-то! А там, я думаю, если и не все, так хоть что-то да обозначено.

Размышлял я недолго, поскольку ко мне вновь бронестарлей пожаловал:

– Разрешите войти?

– Рискни, – буркнул я, за старлеем вошел незнакомый лейтенант-танкер, а следом – и Онищук с «ППШ» наперевес. Я поправился:

– Входите, товарищи командиры.

– Это лейтенант Нечипоренко, – представляет мне Абдиев летеху в замасленном танковом комбезе. Ростом чуть ниже среднего, нос картошкой. Лицо чумазое до крайней невозможности, а на этом чумазом фоне светятся васильковые глаза и хлопают густые белесые ресницы.

Вынимаю из кобуры пистолю свою и, демонстративно сняв с презер... ой! с предохранителя (а не один ли черт! – и тот и этот предохраняют от непреднамеренного спуска), держу в полусогнутой руке, направив ствол на вошедших.

– Граждане, сдать оружие. – Петруха тоже грозно поводит пэпэшой.

Граждане временно задержанные кривятся, но послушно кладут на ящик, что у меня вместо стола, свое оружие. Казах

– «тэтэху», Нечипоренко – «Наган». На лицах недоумение и обида: то ли думают, что к немцам попались, то ли обиделись такому недоверию. Ничего, перетерпят! Если свои, должны понять. А не поймут и обидятся, так и хрен с ними и три хрена – с их обидами. Мне непонятки больше не нужны.

– Документы – на стол! А сами давайте-ка, рассказывайте по очереди, типа – по старшинству агентскому, когда завербованы Абвером, с каким заданием шли на восток?

У обоих глазки стали: как у психоНЛОпата, наконец-то узревшего долгожданные летающие тарелки... Ниче, малость попроверяем. А то вон к каким потерям мое недобдение привело!

Губки у казашонка надулись, как груди Семенович, зубы сжал, аж скрипнуло на всю землянку. И говорит он мне сквозь эти зубы, попутно расстреливая меня глазами, как из «ДШК» (тоже мне, нью-Батый):

– Товарищ старший лейтенант! Я вас не понимаю! Что за вопросы?! Я вышел из боя, вывел пять броневиков! Мы через немистар⁸¹ пробились! Да нами подбито семь немецких танков, из них пять Т-II⁸² и два Т-I⁸³, кроме того: уничтожено три бронемашины, пять 37-мм ПТО⁸⁴ с расчетами и четыре мотоцикла с экипажами! На марше нами были оставлены два

⁸¹ Немистар (*каз.*) – немцы, здесь в смысле «через немцев».

⁸² По советской классификации – Pz Kpfw II.

⁸³ По советской классификации – Pz Kpfw I.

⁸⁴ Противотанковое орудие Вермахта – Pak 35/36.

броневика, по причине неустранимых поломок ходовой части. И теперь вы смеете обвинить меня и моих бойцов в том, что мы немецкие шпионы?! Да и откуда у немцев казахтар⁸⁵ возьмутся?! Да вы!..

– Молчать!.. Абдиев, во-первых, чем ты докажешь, что вы на самом деле сделали все, что ты тут мне нарасказывал? Может, ты все это время у немцев прохлаждался на инструктаже? Насчет казахов на той стороне я тебе просто отвечу: к примеру, есть у них такой Мустафа Чокаев⁸⁶ – казах, который мечтает «Великий Туркестан» создать с гитлеровской помощью. И он там не один такой. Или казахов-белогвардейцев не было? Националистов? Скажешь, что ни ханов, ни баев не было у казахов? И Алаш-Орды никакой не было?! И Гражданская вас не затронула?! Или ни один казах за кордон не удрал? Или среди казахов врагов народа ни единого не было? Или недовольных Советской властью у казахов вовсе нету?! Что молчишь, Абдиев? Отвечай!

И тут казах ответил, зря мы его не обыскали, эта узкоглазая скотина (в такие моменты мы все становимся нетолерантными) воткнула мне нож в печень. Да вы охренели, что ли, у меня что, печень казенная? Петро не стал долго думать и очередью свалил Нечипоренку, потом оторвал рывком казаха от меня и тоже короткой очередью пристрелил Абдиева.

⁸⁵ Казахтар (каз.) – казахи.

⁸⁶ Мустафа Чокаев (Шокай) – казахский буржуазный политик, считается инициатором создания «Туркестанского легиона».

Вот мы дебилы, то недобдим, то перебдим. Я бы на месте казаха так же поступил бы. Ничего, сейчас умру, потом умней стану. Видимо, я из того редкого сорта дебилов, что учатся только на своих ошибках, то есть смертях. Как же больно, нож казаха остался во мне, скашиваю глаза, а это эсэсовский кинжал. Видимо, трофей, думаю я, умирая. Что за день такой, каждый норовит мне в живот попасть, то пулями, то ножом, то кинжалом. То хохол, то немец, ну или вообще казах.

Темнота...

Перемотка!

– Ты мне не заливай, насчет казахов на той стороне, я тебе просто отвечу: к примеру, есть у них такой Мустафа Чокаев – казах, который мечтает «Великий Туркестан» создать с гитлеровской помощью. И он там не один такой. Или казахов-белогвардейцев не было? Националистов? Скажешь, что ни ханов, ни баев не было у казахов? И Алаш-Орды никакой не было?! И Гражданская вас не затронула?! Что молчишь, Абдиев? Отвечай! Разве не так? Пойми и ты меня.

Блин же! Сам давлю на парней, пургу несу, как злобный особист в самых либерастических фильмах, а самому стыдно! А по-другому никак.

– Что скажешь в свое оправдание, товарищ Абдиев? Говори уж!

– Ну, тогда расстреляйте меня ко всем шайтанам – да и дело с концом! – лейтенант побледнел, глаза в узехонькие щелочки сжались, а сквозь них как два угля раскаленных.

Мог бы – прожег бы меня на хрен! Второй, который Нечипоренко, ничуть не ласковее смотрит, еще и на сложенное оружие косится. А ну, как бросятся опять? Валить же придется! И как? Как бы мне со своей бдительностью еще больше не накосячить!

Слегка сбавляю нажим (это печень просит, надоело ей):

– Ты не кипятись, мы невиноватых не расстреливаем. И все проверим, бойцов твоих опросим. А пока лучше скажи, какие у тебя есть доказательства сказанному?

Опять зубами скрипнул. Так ведь и без зубов в молодые годы остаться можно! Но вроде успокоился маленько, отвечает уже потише:

– Что касается доказательств, то мои документы при мне, у остальных – тоже. Еще у меня в броневики лежат немецкие документы – там удостоверения личности убитых немцев, правда, не всех, только тех, у кого была возможность взять их. И оружие трофейное есть. А подбитые немецкие танки я не фотографировал, уж извините, товарищ старший лейтенант, не было у нас такой возможности.

– Ладно! Петро, своди пока Абдиева к броневику, поглядите, что там и как... Только ты это: возьми с собой четверых на всякий случай (у него же кинжал эсэсовский) и общите его. Да ребят своих организуй, чтоб танкистов по сторонам развели и поодиночке опросили: как воевали, как выходили и прочее... А второго здесь оставь.

Просматриваю и так, и эдак документы Абдиева, по-мое-

му – нормальные ксивы, не самоделки абверо-гестаповские, на тщательный немецкий новодел-самопал вроде бы не похожи. Сам пистольку с летехи не спускаю, Нечипоренко злобно сопит и молчит. Интересно, о чем танкист кумекает? Зуб даю, что он меня мысленно материт всеми возможными выражениями, а то и пришиб всеми способами уже раз с...дцать. Сильно сомневаюсь, что его мысли обо мне сейчас пребывают в пределах литературного русского?

Во! – заговорил:

– Товарищ старший лейтенант, вы можете объяснить, чем вызвано такое недоверие к нам? Мы действительно воевали, вышли с оружием в руках, а тут...

«Эх, летеха, если дойдешь до наших, там тебя тоже проверки особого отдела ждут, считай, что тут репетиция», – думаю я. Отвечаю, конечно, другое:

– К нам уже выходили «окруженцы», гражданин Нечипоренко. Мы всем поверили. И это нам стоило жизней шестерых бойцов. Заметь, среди них был самый настоящий сотрудник НКВД, перешедший на сторону врага. Ты понимаешь, теперь я лучше перестреляю сотню подозрительных, чем позволю от их рук погибнуть хоть одному своему бойцу. Понятно?

– Простите, товарищ старший лейтенант, но мы не несем ответственности за всякую гниду...

Грохот... Это Ержан, бедолага, споткнувшись на входе, чуть не растянулся, но вошел, в руках охапка зольдбухов.

Резко вывалил эту грудку на ящик, так, что часть попадала на землю. Выпрямился, отступил на шаг. И смотрит на меня эдак, с вызовом. Губы в ниточку сжал. Следом вошел Онищук – молодец – обоих окруженцев под прицелом держит.

Беру бумажки, затрофеенные танкистами, это семнадцать зольдбухов немчуранцев. Пардон: четыре – офицерских: два лейтенанта, один обер-лейтенант, а один – так даже целый гауптман, если я правильно разобрал: командир танковой роты, А может, и не так! – там в их аббревиатурах сам черт ногу сломит! И что? Буду считать проверку оконченной. Специалист я в этом хреновый, но будем надеяться... Так что молча подхожу к Абдиеву, приобнимаю его по-дружески и говорю:

– Теперь верю, теперь салем⁸⁷, брат. Ты тоже меня пойми: вот приняли мы десяток окруженцев, а они оказались засланцами подлявыми, Абвером засланы, чтоб найти какого-то нашего генерала, ну и по пути сдавать немцам таких, как мы. А один из них вообще сотрудником органов перебежавшим оказался! А в итоге шестеро бойцов наших остались тут навсегда. Понимаешь, Абдиев, НАВСЕГДА!

Онищук, выведи пока второго. Рядом где-нибудь побудьте, я позову.

Они вышли, я ткнул пальцем на патронный ящик:

– Садись. Теперь говори, что знаешь о Нечипоренко.

– Да я знаю его с довоенного времени, очень хороший

⁸⁷ Тот же «салам», но по-казахски.

джигит, в одном батальоне служили уже больше года. Жили рядом. Его взвод всегда благодарности от командования получал. Вы не сомневайтесь, Сашка геройски воевал, он танкистов выводил, им больше досталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.